

Марина. Код силы

Автор:

Анастасия Король

Марина. Код силы

Анастасия Король

Долгожданное продолжение книги "Марина: Виверн".

Теперь в виртуальном мире у Марины появилась соперница. Человечество узнало о дэвлесс.

Анирам Мортис хочет возродить эпоху сверхлюдей. Каков его план? Какой главный секрет он хранит?

Смогут ли Марина и Дима преодолеть все и не потерять веру в любовь?

Анастасия Король

Марина. Код силы

Глава 1

Взрыв

В оптическом прицеле снайперской винтовки показался Ла Дэвлесс Орвин Пурус в окружении десятков телохранителей.

Вторая же пуля, контролируемая Филиппом, ударила долей секунды позже и попала в дернувшееся тело.

Филипп вскинул винтовку и с нежностью, словно по любимой женщине, провел рукой по холодному стволу оружия.

Он снял прицел и сложил все в чехол. Закинув тяжелую сумку на спину, стрелок поспешил из укрытия.

Главный редактор “Davless-news” Алессия Амбре нервно подгоняла таксиста. Такси следовало за машиной Дмитрия Аскендита. Пальцы со скоростью звука летали по клавиатуре ноутбука.

В груди от нервного напряжения в истерике билось сердце. Заявление члена террористической группировки “Dominus mortis” испугало журналистку, хоть она и сохраняла видимое спокойствие.

“Человечество, мы требуем освободить Анирама Мортиса. Мы – дэвлесс. Мы – Боги...”

Если вы не освободите Анирама Мортиса, то каждый час по очереди будут взрываться здания правительств во всем мире. Каждый час с ударом часов – новое здание. С какого начнем? Белый дом? Вестминстерский дворец? Кремль...?

Ваше правительство знает о нашем существовании и скрывает его. Все, что вы знали о мире – ложь. Дэвлесс у власти, дэвлесс – богатейшие люди в мире. Но они тоже должны быть наказаны за бездействие! Вы знаете представителей дэвлесс давно: Дмитрий Аскендит, Ролли Беру, Дерин Фрост...”

По коже Алессии пробежали мурашки.

Когда Алессия училась в Академии дэвлесс, на лекциях по человековедению профессора поднимали тему того, почему дэвлесс скрывались. Самым худшим из перспектив разоблачения дэвлесс было то, что человечество могло объявить геноцид и уничтожить всех дэвлесс. Более легким возможным вариантом было

бы то, что их бы клеймили как животных. Но было ясно, то дэвлесс не смогли бы жить спокойно так же как и жили.

Пальцы стремительно стучали по клавиатуре:

“Что теперь будет с дэвлесс?”

Плачевно известный глава террористической группировки “Dominus mortis” Анирам Мортис поставил под удар дэвлесс. Взорвет ли он на самом деле правительственное здание одной из стран мира? Какая именно страна это будет...?”

Алессия печатала текст скорее потому, что по-другому не могла структурировать свои мысли. Она знала, что через час заголовок изменится и новость будет другой. Она знала, что многое из написанного удалит, откорректирует.

Такси резко ударило по тормозам. Алессия удержала ноутбук от падения и вскинула голову. Водитель выругался на подрезавшую их машину.

– Плачу тройную сумму, если вы не потеряете тот БМВ, – вскрикнула она, выхватывая взглядом удаляющуюся машину Дмитрия Аскендита.

Дима напряженно вскинул руку и посмотрел на время. Оставалось пятнадцать минут до первого взрыва.

Он не сомневался, что люди Мортиса исполнят угрозу – скоро одно из правительственных зданий взорвется.

Рука потянулась к внутреннему карману пальто, в котором находились сигареты, но в последний момент Дима передумал.

Марина всхрапнула и, сладко улыбнувшись, обняла его, явно воспринимая подушкой. Ее слюни намочили меховой воротник пальто Димы. Ла Дэвлесс Дома

Красной розы поправил голову девушки, вытер костяшкой пальцев слюну и почувствовал как напряжение сходит.

Ну, хоть с одной проблемой разобрались: Марина была на свободе.

Машина притормозила, проскрипев колесами по промерзшему асфальту.

– Мы уже приехали? – сладко зевнула Марина.

– Да, – произнес он и вышел из машины.

Морозный ветер облизал щеки своим колючим языком и забрался под ворот.

Вдруг люди, что казались обычными зеваками или прохожими активизировались и окружили их машину.

“Мистер Аскендит? Это правда, что говорилось в послании? Вы – дэвлесс?”, “Что это значит, Мистер Аскендит?”, “Кто такой Анирам Мортис?” – слышалось отовсюду.

Марина растерялась и не решилась вылезти из машины. Репортеры ослепили вспышками, она зажмурилась и натянула кепку на глаза.

Том и агенты безопасности протиснулись между Аскендитом и репортерами. Расставив руки, они отгородили их от босса. Дима помог Марине вылезти из машины и обнял ее плечи рукой. Камеры щелкали. Марина прятала лицо под кепкой и прижималась к Диме.

Вращающаяся дверь отделила их от назойливых репортеров. Марина с облегчением вздохнула и подняла глаза на сосредоточенное лицо Димы.

Аскендит осадил взглядом пару обнаглевших репортеров, что дожидались его в фае.

– Том, разберись, и пусть инженеры Феникса свяжутся с агентом АКД, – кинул он и почти перешел на бег.

Дима и Марина вошли в лифт.

Алессия, что тенью следовала за ними, ускорила шаг и в последний момент вставила ладонь между створок дверей. Лифт запищал, и створки медленно открылись.

Алессия Амбре широко улыбнулась и своей небрежной манере махнула плечами.

– Mister Аскендит, какая встреча! Я как раз направлялась к вам, – произнесла она. Аскендит вцепился в нее недовольным взглядом и скривился. Палец, покрашенный красным лаком, нажал на кнопку этажа кабинета Аскендита. Алессия бесцеремонно встала между Мариной и Димой.

Марина не знала как реагировать на незнакомку и уставилась на свои кроссовки.

Алессия умела скрывать свои истинные эмоции. Всем казалось, что она была воплощением самоуверенности, но только она знала, чего ей это стоило. Внутри нее все дрожало от страха и предвкушения одновременно.

Алессия улыбнулась и расстегнула серое пальто.

– Что вам надо, мисс Амбре? – грубо спросил Дима, борясь с желанием вышвырнуть журналистку из кабинки лифта.

Она округлила свои темные глаза и, махнув длинными волосами, затянутыми в хвост, наклонилась и заглянула под кепку Марины. Девушка растерялась от такой наглости и испуганно забилась в угол.

– Ты же Виверн? Правильно? Ты Марина Ситром.

– Да, – ответил Дима и загородил собой Марину, отгораживая ее от назойливой репортерши.

Алессия словно не заметила это и продолжила щебетать:

– Приятно познакомится, я Алессия Амбре. Главный редактор “Davless-news”.

Цифры на экране лифта взлетали вместе с этажами.

Алессия вздохнула и искоса взглянула на Диму, что отгораживал Виверн от нее, взгляд спотыкнулся о руку Димы, что сжала руку Марины. В этом жесте было столько нежности и заботы, что Амбре растерялась.

“Так это были не слухи. Они на самом деле любовники”.

Глаза Алессии сощурились. Вот истинная причина, почему Виверн вышла сухой из воды – Дмитрий Аскендит защитил ее. Алессия всегда считала Аскендита одиночкой, не созданным для любви, но вот перед ней словно другой мужчина. Внутри завертелась женская зависть. Где-то глубоко внутри она тоже хотела, чтобы кто-то так же защищал ее.

Амбре моргнула и секундная растерянность прошла. В ней вновь проснулся репортер:

– Заявление человека Анирама Мортиса встревожило и людей, и дэвлесс... – произнесла тише Алессия. – Ты знаешь, что предпримет АКД? Они отпустят Владыку смерти?

– Амбре, мне не до тебя сейчас... – обреченно и устало покачал головой Дима.

Дзвянкнул лифт. Створки открылись. Амбре преградила выход из лифта.

– Разрешите, пожалуйста, остаться рядом, – она позволила своему голосу дрогнуть. – Ты же знаешь, дэвлесс в панике. Я буду стараться успокоить их, но мне надо быть в центре событий.

Лицо Димы ожесточилось, он заглянул в глаза главному редактору “Davless-news”. Он знал Алессию Амбре больше десяти лет. Ее недаром за глаза называли стервой. Она безапелляционно лезла в дела дэвлесс, но сейчас она выглядела растерянной. Это было так не похоже на нее. Он подумал, что возможно, она была права и дэвлесс и правда были в панике. Дима кивнул. Алессия благодарно улыбнулась и вышла из лифта.

Второй лифт распахнул свое лоно. Том изумленно вышел в холл.

Алессия заметила его и резко выпрямилась. Она приняла свой обычный высокомерный вид, и очаровательно улыбнулась бывшему жениху. Том сглотнул и буркнул:

– Как ты просочилась сюда, Алессия?

– Оставим наши личные отношения на потом, Том.

Секретарь вскинул бровь, сложил руки на груди и проследил, как она направилась вслед за Аскендитом.

Бросив пальто секретарше, Дмитрий Аскендит ворвался в кабинет. Он вбежал в переговорный зал и включил экраны.

Марина аккуратно, словно на острые камни, присела на край дивана и следила, как Дима метался по залу. Он то повышал голос, то брал себя в руки и говорил тише.

До Марины доносились обрывки фраз:

“Ни в коем случае вы не должны отпускать Мортиса!”;

“Нет, директор. Мои люди не нашли взрывчатку в Вестминстерском дворце”;

“Феникс не смог уловить новую электрикс. Он изучал Виверн, но не эту новую элекрикс.”;

“Это может быть все блеф! Но если мы отпустим Мортиса, все может стать еще хуже”.

Том, под стать своему начальнику, не отрывался от телефонных звонков. Алессия Амбре щелкнула пультом. Телевизор моргнул и включился. Том, кинув на Амбре злой взгляд, отобрал у нее пульт и настроил большой экран так, чтобы по нему одновременно шла трансляция с четырех новостных каналов с разных точек мира.

Берлин, Лондон, Москва, Вашингтон.

На новостных каналах все как один обсуждали видео, которое появилось на всех экранах мира. Корреспонденты, дикторы обсуждали возможность, что дэвлесс существуют и последствия этого.

На экране постоянно выскакивали фотографии названных в видео политиков, магнатов, деятелей искусства. Постоянно мелькали фотографии Димы.

Марина бросила взгляд на часы. Пять минут до первого взрыва.

Алессия открыла ноутбук. Пальцы ее порхали над клавиатурой с невиданной скоростью. Агент АКД, следовавший с ними из зала суда, прошел в зал переговоров.

Марина закусила губу и в который раз посмотрела на телевизор. Все были при деле, одна она сидела неподвижно. Она чувствовала себя бесполезной.

Поддавшись порыву, она встала и подошла к телевизору. Одного прикосновения хватило, чтобы войти в информационный мир.

От удовольствия она прикрыла глаза. Истинное наслаждение. словно наркоман, получивший дозу после долгого перерыва, она испытала облегчение и радость такого масштаба, что на несколько мгновений потеряла себя.

Потоки информации обтекали ее, подобно ласковым волнам теплого моря. словно триллионы звезд, информация объединялась, мерцая и переливаясь, как самая красивая новогодняя гирлянда.

Марина, не удержавшись, разогналась и пробежалась по потокам информации. Утробный смех вырвался из груди, и она закружилась, совсем забыв для чего прыгала в информационный мир. Как же она скучала.

Информационный мир был ее личным наркотиком. Работа, которую она выполняла здесь, давала ощущение того, что она делает что-то нужное.

Марина прислушалась, пытаясь уловить след другого дэвлесс, но ничего не почувствовала. Она ведь никогда не встречала таких же как она. Так или иначе, дэвлесс с такой же силой как у Марины должна была тренироваться. Марина

провела здесь неисчислимое количество времени, оттачивая навыки и мастерство, да и просто гуляя без дела по потокам информации. Почти невозможно, чтобы два дэвлесс с одинаковой силой ни разу не пересеклись!

Поймав нити военных служб, охранявших здания правительств стран, Марина проверила целостность их защиты... и вдруг она словно провалилась под лед.

Казалось, что ее вывернуло, выдернуло, оглушило одновременно – так было всегда, когда кто-то обрывал ее телесный контакт с техникой, через которую она попадала в информационный мир.

Шумно выдохнув, Марина распахнула глаза, еще толком не придя в себя.

– Что ты делаешь? – взгремел агент АКД, с силой сжавший ее предплечье. Дима, стоящий за стеклянной перегородкой, обернулся на шум. – Ты сейчас отправляла послание людям Мортиса?

Девушка растеряно открыла рот и перевела взгляд на подошедшего Диму.

– Нет... Я...

Она хотела объяснить, но динамики телевизора зашумели. На экране пошла рябь.

Марина вздрогнула и обернулась.

На экране телевизора показалась девушка, которая играла с огнем в руке. Она наклонила голову вбок – алые волосы упали на лицо, – и улыбнулась, совсем не смущаясь камеры. Фон за ее спиной был размыт.

“Час прошел, а Анирам Мортис не освобожден, – она усмехнулась, встав полуоборотом. Фокус камеры все так же размывал фон. Она выставила руку вперед. – Это ваш выбор. Как и обещала... Десять... Девять... Восемь...”

Марина испуганно повернулась к Диме. Аскендит замер в ожидании. Он не сводил глаз с экрана.

Тогда Марина потянулась рукой к экрану, но Дима перехватил ее запястье.

“Два... Один...” – рыжая, словно само пламя, девушка щелкнула пальцами, глаза ее вспыхнули огнем. Изображение моргнуло.

Телевизор вновь включил новостные каналы. Корреспонденты, что замерли, смотря на сообщение рыжей с экранов в студии, вдруг увидели себя, прочистили горло и попытались взять ситуацию под контроль:

“Мы только что видели второе обращение неизвестных, что назвали себя дэвлесс и требовали освободить некоего Анирама Мортиса. Пока нам не поступает никакой информации, что же произошло...”

Дима медленно разжал ладонь. На запястье Марины остался след от его пальцев. Взгляд его стальных глаз переместился на окно. Он прислушивался.

Алессия Амбре медленно встала со своего места и подошла к панорамному стеклу. Ничего не происходило. Все было тихо. Ничего не произошло. В Лондоне.

– Я могу помочь... – подала голос Марина.

– Не надо, – оборвал ее Дима, продолжая прислушиваться.

Все ждали.

Как гром среди ясного неба раздался звонок телефона Димы. Все вздрогнули и взволнованно проследили, как он поднял трубку телефона.

Дима, пытаясь сохранить спокойствие, выслушал, что ему доложил собеседник по ту сторону трубки и резко выдохнул. Веки смежились, лучики морщин в уголках глаз расплосовали лицо.

Сердце Марины задрожало. Она закусила нижнюю губу, почему-то ощущая стыд за то, что сделал Мортис.

– Белый дом взорван. И еще: Ла Дэвлесс Дома Белой Розы застрелен, – тихо и обреченно произнес Дима и Алессия резко выдохнула. Карандаш выпал из ее рук

и покатился к ногам Тома.

Секретарь побелел, Марина прикрыла рот рукой и рухнула на диван. Агент АКД достал свой телефон, намереваясь звонить своим людям.

Через несколько секунд и по новостным каналам один за другим начали появляться срочные новости, сюжеты о взорванном доме правительства Соединенных штатов Америки.

Дима рухнул на диван рядом с Мариной.

- Почему Белый дом? - произнесла Алессия, и вопрос завис в воздухе.

На основном новостном канале пестрел черный дым, паника людей и съемки камер случайных свидетелей.

- Я думаю, я знаю, почему Мортис выбрал Белый дом, - косясь на агента АКД, тихо произнесла Марина. Алессия, Том и Дима повернули к ней головы. - Дело в акциях и активах... Я уверена, что сейчас его люди спекулируют именно на этом... Я так делала. Атаковала компании, на которые указывал Мортис, - Марина испуганно посмотрела на Диму, боясь увидеть гнев, или презрение. Лицо его было непроницаемо. Девушка сцепила пальцы в замок и продолжила объяснять: - Акции этих компании падали и мы их скупали. Мне кажется, он делает сейчас то же самое, только в больших масштабах...

- Ему нужны деньги... Он собирает армию?

Марина сглотнула и опустила глаза на сцепленные руки.

- Я должен об этом сообщить, - произнес агент АКД и скрылся за дверь.

Дима обреченно встал и направился обратно в конференц-зал. Возле двери его перехватила Алессия.

- Ты же знаешь, что США, вероятней всего, уже закрыли свои границы. Мне надо попасть на руины. Можно воспользоваться твоим самолетом?

Дима вздохнул и, кивнув, взмахнул рукой в сторону Тома.

– Разберись, Том.

Диме предстояла еще встреча с главами Домов, разговор с АКД и с некоторыми президентами. Но он уже понимал, что освобождение Мортиса – дело времени.

А дальше понеслись переговоры, дискуссии, упреки. Ла Дэвлесс остальных домов в истерике обвиняли Диму в бездействии.

Как Алессия и сказала, дэвлесс были в панике, так же как и люди.

Мир накрыл хаос.

Этого добивался Мортис?

Выпотрошенные, обессиленные Дима и Марина сидели несколько часов спустя на диване в кабинете.

Сгущался сумрак, но ни Марина, ни Дима не двигались.

Они проиграли.

АКД и главы государств приняли решение отпустить Мортиса. Девушка с огнем больше не появлялась на экранах.

Дима устало стянул галстук с ворота, достал сигареты, щелкнул зажигалкой и затянулся. Выдохнув темным, горьким дымом он тупо уставился на один из экранов новостного канала, который без звука мелькал на стене.

Казалось, прошла вечность с момента, как они сидели вдвоем. Медленно Дима курил. Дым поднимался к потолку и щекотал нос Марины.

Только сейчас Марина осознала, что у нее не было возможности объясниться.

Мортис выиграл. Человечество приняло решение его отпустить, и Марина чувствовала вину за это.

- Дима, - прошептала девушка и протянула руку к его руке. - Прости меня.

Дима не реагировал. Сумерки уступали ночи. Слабый свет экранов освещал его профиль. Кончик сигареты горел краснотой. Марина закусил губу и скривилась.

Она была дочерью Мортиса. Она долгое время помогала ему. Все, что происходило сейчас, было и ее ответственностью.

Она знала, что их отношения больше не будут как прежде. Теперь Дима знал все. Смог ли он простить ее? Сможет ли он ей доверять?

- Дима? - позвала она снова и придвинулась ближе. Он вздрогнул, словно выйдя из транса, и повернул голову.

Марина задержала дыхание, ища ответы на свои вопросы в его взгляде, хмуром, полном грозových туч.

- Прости, что я обманывала тебя, - повторила она и придвинулась еще ближе. Дима позволил девушке положить голову на его плечо, скользнуть своими тонкими пальчиками меж его пальцев и сцепить руки в замок. Горячее горькое дыхание от глубокого вздоха пощекотало лицо. Марина с дикой смесью страха и надежды посмотрела на него. Она ждала его ответа и боялась того, что скажет Дима. - Ты все еще любишь меня?

Взгляд темных глаз Димы остановился на ней. Светящийся экран отразился в них, и как не старалась Марина так и не смогла понять, о чем он думал.

На мгновение ей показалось, что Дима сейчас скажет, что разлюбил ее, что не может простить и вытащил ее из тюрьмы просто из благородства... Но он мягко улыбнулся и затушил в пепельнице сигарету. Дима потянул ее за руку и обнял так крепко, что девушке стало нечем дышать. Она задохнулась переполнившим ее чувством благодарности.

– Я любил тебя, люблю и буду любить, – выдохнул он ей в шею и мурашки пробежались от этого места по позвоночнику вниз. Обжигающие руки охватили ее лицо. – Как ты могла подумать иначе? Я просто расстроен и не знаю, что делать дальше, – сокрушительно вздохнул он и, наконец, улыбнулся Марине.

Сердце ударило в ребра и задрожало. Дима наклонился, всматриваясь в глаза девушки.

– Мы потерпели неудачу, – тихо произнесла она.

– Облажались... – подтвердил он и жадно впился в губы, словно этот поцелуй мог все исправить. Жадный, страстный, горький и нежный одновременно.

Дима вдруг подумал, что эта девушка была сочетанием двух противоположных стихий: она была частью человека, которого он любил больше всех в своей жизни, а вторая часть принадлежала его злейшему врагу. Дочь Евы и Мортиса... Та, что защищала свою мать и выполняла приказы отца.

Марина не сдержала стон. Она так долго ждала этого. Дима целовал, она чувствовала, как его руки забирались под толстовку, беспорядочно бегая по коже.

И все на свете отошло на второй план. Дима провел рукой по ее шее и впился до одури огненными губами в ямочку на ключице. Марина задрожала в его руках и запустила свои руки в его упругую шевелюру.

Он потянул толстовку, чтобы стянуть ее, но вдруг Марина перехватила его руку.

– Мне надо принять душ. Я не мылась неделю...

Дима хитро блеснул глазами и, шумно втянув воздух возле ее волос, прошептал:

– Ммм... Обожаю аромат пота и тюрьмы.

Глаза Марины расширились, а лицо вытянулось.

- Дима! - недовольно вскрикнула она и уперлась ладонями в его грудь. Он улыбнулся шире и прикусил ее щеку:

- Да ладно тебе.

- Ну, спасибо. Все испортил. Теперь я точно должна помыться.

Дима, не сдержав смеха, нехотя опустил ее и откинулся на диван. Напряжение дня слегка ослабило свою удавку. Он подумал, что и правда надо поесть, отдохнуть и может быть завтра придет решение его проблем.

- Поехали домой. Ты, наверное, жутко голодна.

Марина кивнула и медленно встала.

У двери Дима обнял ее одной рукой, накинул на ее светлую макушку кепку и они вышли из кабинета.

Том ждал их на диванчике, секретарш уже не было на месте, он всех их опустил.

- Надо отдохнуть. Сегодня был слишком напряженный день, - произнес Дима, кивнув Тому.

- Машина готова. Я подготовил дополнительную охра...

- На твое усмотрение Том, у меня нет сил думать, - произнес Дима, нажимая на кнопку лифта. - До завтра я просто хочу побыть один с Мариной и чтобы нас никто не трогал. Только закажи нам еды, чтобы не ждать.

- Я понял, - кивнул Том.

Они ступили в лифт, створки закрылись и Марина, положив голову на грудь Димы, прикрыла глаза. Живот приклеился к позвоночнику от голода, голова гудела и чесалась, но даже не смотря на то, что Мортис был снова на свободе, человечество узнало о существовании дэвлесс, она чувствовала, что рядом с Димой ей ничего не страшно.

Глава 2

Владыка смерти

Губы Анирама Мортиса растянулись в кривой от шрамов, высокомерной, довольной улыбке. Он посмотрел на небо за окном, полное облаков и свободы. Машина повернула, следуя извилистой дороге. Лучи январского солнца мелькали сквозь кружево голых ветвей так ярко, что Анирам прищурился как довольный сытый кот.

Все шло согласно плану.

– Что улыбаешься, сволочь? – не выдержал агент АКД рядом с ним.

Анирам медленно повернул голову и посмотрел на него таким красноречивым взглядом, что краска сошла с лица агента. В этом взгляде было обещание убить и ничего более.

А Анирам Мортис всегда выполнял свои обещания.

– Я улыбаюсь тому, что скоро буду на свободе. Человеческие лидеры – трусы. Как и предполагалось.

Агент АКД скривился и отвернулся.

Чуть меньше часа понадобилось сотрудникам АКД добраться до назначенного людьми Мортиса места.

Если АКД подготовило ловушку, то жители небольшого города неподалеку почувствуют всю мощь силы Агаты. Анираму Мортису было плевать на жизни людей, а вот агентам АКД – нет.

Водитель резко вырулил на гравий, чуть не проехав поворот. На экране был выстроен маршрут. Он показывал, что до места встречи осталось несколько

минут. Мортис кинул взгляд в зеркало заднего вида и напряженно посмотрел на три следовавшие за ними машины.

Недовольно прокрутив запястья в наручниках, он вцепился взглядом в несколько фигур вдалеке. Мортис прищурился, и разочарованно скривился: после пыток агентами АКД его зрение заметно упало. “Дилетанты”, – подумал он, вспоминая один из азов Мастеров боли: “Контролируй давление и работу органов”.

Обреченно вздохнув, он дождался, пока машина остановится. Агенты, схватив его за ворот комбинезона, грубо вытащили из машины.

Холод сразу же забрался под хлопковую ткань комбинезона и сковал тело.

Ботинки утонули в пушистом сугробе.

Мортис брезгливо поморщился и, звеня цепями, сделал несколько шагов вперед.

Филипп стоял чуть впереди, держа наготове два пистолета. Алые кудри Агаты ярким пятном окрашивали этот черно-белый пейзаж.

Мортис ухмыльнулся. Любил он рыжих. Он перевел взгляд на Розу, золотые волосы которой были собраны в косу.

Роза сделала шаг, но Агата выставила руку вперед, останавливая ее. За ними стояли снегоходы. А чуть дальше в лесной чаще их должен был ждать вертолет, прикрытый камуфляжем.

Мортис покосился на агентов.

– Хотел бы сказать, что наше общение было приятным, но нет... Вы освободите меня от оков?

– Сам освободишься, – пренебрежительно махнул раздражающий Мортиса агент АКД. Владыка смерти криво улыбнулся и, повернувшись к своим людям, направился вперед. Надо сказать, не без труда. Ноги утопали в сугробах.

Роза все же оттолкнула руку Агаты и побежала к Анираму навстречу и первым делом уничтожила прикосновением ошейник и кандалы.

Анирам радостно вздохнул и потер шею, на которой остался красный след.

- Все идет по плану? - спросил он, не сбавляя темп.

- Да, - приглушенно произнесла она и махнула остальным, чтобы заводили снегоходы. - По периметру, как и ожидалось, стоит оцепление. Три снайпера следят за нами. Наши люди наготове.

Мортис кивнул и поздоровался с остальными. Распределившись на двух снегоходах, они развернули их и направились в чащу леса.

Четыре машины АКД так и стояли где остановились.

- Подожди, - крикнул Мортис Агате. Она притормозила чуть впереди.

- Избавься от первой машины.

Агата перевела взгляд на машину, из которой вышел Мортис.

- Разве это входит в план?

- Это приказ, - раздраженно бросил Мортис и кивнул Филиппу, чтобы ехал дальше. Агата нахмурилась, выставила руку вперед - ей было так легче сконцентрировать силу, - щелкнула пальцами и сразу же нажала педаль газа.

Взрыв не заставил себя ждать. Мортис улыбнулся: он всегда исполнял свои обещания.

Глава 3

Дом

Глаза открылись и вновь закрылись. Окруженная ароматами сирени Марина чувствовала себя невероятно отдохнувшей, счастливой и ей так хотелось продлить это мгновение, ведь она не знала был ли вчерашний день сном или явью.

Пелена перед глазами развеивалась, но Марина вновь смежила веки, пытаясь продлить блаженные мгновения. Она перевернулась, обхватила мягкую подушку руками и чуть не застонала от удовольствия: кровать, на которой она лежала, была огромна и мягка, словно облако. Свежее постельное белье пахло морозом и сиренью.

Девушка откинулась на спину и посмотрела на потолок, все еще не веря в свое счастье. Она не в камере тюрьмы.

Спальня была огромна. С двух сторон её венчали панорамные окна на огни ночного города.

Девушка поискала глазами часы: 4 утра, а Димы не было в кровати.

Она села. Требующие расчески волосы раскидались по голым плечам и спине. Марина сладко зевнула, потянулась.

Ноги утонули в пушистом ковре. Девушка встала, прошла к ванной и залезла в душ. Горячая вода била по коже, заливала рот, а Марина стояла и ловила каждое мгновение. Она так замерзла в тюрьме. Холодная камера, холодная вода в камере, холодная еда. Ей казалось, что она никогда не сможет согреться.

Медленно, наслаждаясь, что её никто не подгоняет, она в очередной раз взбила пену и терла себя, стараясь смыть тюремный дух, что впитался в кожу.

Она ступила на теплый кафель и выхватила с полки полотенце.

Слегка запотевшее зеркало напротив отразило девушку, в которой Марина с трудом узнала себя: с пожелтевших осветленных волос облепивших лицо осыпались капли. Она словно стала старше: щеки заострились, а глаза потемнели и смотрели насуплено, агрессивно. Марина вскинула руку и дотронулась до еще красного шрама от пулевого ранения в плече. Ей все еще

было неприятно поднимать руку.

“Филипп”.

Марина вспомнила его вьющиеся как у неё волосы, его янтарные глаза в которых не возможно было прочесть мысли, и закусила губу.

“Сын Евы и Мортиса. Такой же как я. Мой брат”.

Марина понимала, что именно он застрелил Ла Дэвлесс Дома Белой розы. Где же он сейчас? Скорее всего, с Мортисом. Марина понимала, что могла стать такой же как Филипп. Но у неё был Дженкинс, который заботился о ней, а у Филиппа не было никого кроме жестокого Владыки.

Мороз пробежался по коже от понимания того, как Владыка его воспитывал и тренировал.

Девушка закуталась в пушистый халат.

Тут все пахло Димой.

Высушив волосы, она нашла в шкафчике расческу и, наконец, не без труда вычесала волосы. Посмотрев на расческу, наполненную осветленными ломкими волосами, Марина скривилась.

Тапок нигде не было, поэтому она босяком вышла в гостиную.

Огромное помещение вмещало в себя большой обеденный стол, над которым висела огромная люстра со второго света. Не менее внушительный диван с креслами и кухня, которой могла бы позавидовать любая хозяйка, но, конечно, не Марина.

Украшенная к Рождеству и Новому году ель переливалась огнями.

Марина запрокинула голову на второй этаж и увидела через стеклянную стену кабинет Димы. Он сидел за столом и, зажав плечом телефон, с кем-то разговаривал. Вдруг он вскочил и, швырнув телефон о стеллаж с книгами,

шумно выдохнул. Девушка ошарашено остановилась. Дима сжал и разжал кулаки.

Марина сглотнула. Она никогда не видела Диму таким... – она все не могла подобрать слово – несдержанным.

Дима повернулся, словно почувствовав на себе взгляд, и встретился глазами с Мариной. Девушка смущенно взмахнула рукой.

Взгляд Димы потеплел. Он что-то сказал, но за стеклянной стеной ничего не было слышно.

Марина поднялась к нему в кабинет.

– Дима... – прошептала она. – Четыре утра... Что случилось?

– У меня была бессонница... – хмуро ответил он и, схватив Марину за руку, притянул к себе. Пояс на халате ослаб. Она улыбнулась, и тут взгляд зацепился за знакомое лицо на экране ноутбука Димы. Все внутри Марины подпрыгнуло.

– Дженкинс...? – выдохнула она резко. – Там сказано, что с ним?

Дима пожевал губу. Он знал, что к Дженкинсу Марина испытывала симпатию.

– На допросах ты говорила, что он был для тебя словно отец.

Марина кивнула. Упоминание допросов больно кольнуло ее. Она догадывалась, что Дима был за зеркалом, но его слова дали понять, что он хладнокровно смотрел, как Марину пытали.

И обида проклюнулась в ее душе. Она прищурилась, пытаясь отогнать это чувство.

– Дженкинс не плохой, – произнесла она осторожно. – Я ни разу не видела, чтобы он пользовался силой. Мне кажется, он пустой, но он заботился обо мне. В принципе, я толком ничего не знаю о нем. Когда я проваливала задания, Дженкинса тоже наказывали. Он меня выгораживал перед Мортисом. Я уверена,

именно он настоял на том, чтобы я была отстранена от основных дел “Dominus Mortis”. Мне кажется, он был таким же заложником ситуации как и я. Он бы хотел уйти, но не мог..., сам знаешь, из “Dominus Mortis” можно уйти только вперед ногами. Я боялась, что после моего предательства Мортис просто убил его.

Дима опустил глаза.

– Это фотография годичной давности... Мы пытаемся выяснить кто такой Дженкинс, но данных мало... И Мортису удалось уйти. Мы пытались проследить его след, но все тщетно.

Марина резко выдохнула, нахмурилась.

– Я думаю, Мортис все продумал заранее, до того как его поймали, – медленно произнес Дима.

– Это в его духе. Он мог отдать распоряжения на случай его поимки. Роза, Филипп всегда были рядом с ним в отличие от меня. Я теперь понимаю, почему он не позволил маму определить в психиатрическую клинику...

Марина осеклась. Она не хотела напоминать Диме о Еве. Она вскинула лицо на Диму и решила спросить:

– Где ты ее похоронил? – Их лица были так близко, что можно было почувствовать дыхание друг друга. – Я бы просто хотела сходить к ней на могилу.

Лицо Димы ожесточилось. Он резко выпрямился.

– Она жива.

– Что? Я ведь видела как Владыка... – выдавила она из себя и замолчала, сглотнув образовавшийся ком.

– Я тоже это видел... Но она осталась жива. И не называй Мортиса Владыкой...

- Прости, - разом потеряла голос Марина.

В душе девушки, словно стая птиц, всколыхнулся ворох противоречивых чувств: она была рада, что мама жива и в то же время она испытала страх, ведь мама была той Евой, которую любил Дима. Марина ведь была просто заменой Евы.

Она медленно встала с его колен и на ватных ногах сделала несколько шагов к стеклу.

Она пыталась переварить эту информацию.

Первое, что она поняла: осознанно или нет, но Мортис не смог убить маму. Вторым было то, что Ева, наконец, стала свободной. И третьим было то, что Дима нашел свою жену. И вдруг Марина почувствовала себя так, словно она обманом заставила Диму быть с ней. По какой-то причине она почувствовала стыд и перед мамой и перед Димой.

- Марина, - подошел к ней со спины Дима и попытался дотронуться ее плеча. Марина дернулась, словно обожглась. Рука Димы застыла в воздухе.

- Где она? - прохрипела она.

Дима медленно закрыл рот и сжал губы в тонкую линию.

- Я перевез ее в Москву. Она в клинике. Никто не знает кто она. Она под наблюдением лучших специалистов, которых я нашел и...

Марина обхватила себя руками, пытаясь отгородиться, и перебила его:

- Ты виделся с ней?

Дима вздохнул, сложил руки на груди, так же как и Марина, и нехотя произнес:

- Да.

Вдруг в комнате стало так душно. Марина сделала глубокий вдох. Она почувствовала раздражение из-за того, что приходилось клешнями вытаскивать информацию из Димы.

- Ты все еще любишь ее?

Прямой вопрос застал Диму врасплох и застыл в воздухе между ними. Его скулы напряглись. Он буравил Марину хмурым взглядом, и она не выдержав, вновь отвернулась. Она ругала себя за то, что задала этот вопрос, она ведь на самом деле не хотела слышать ответ.

- Можешь не отвечать, - голос ослаб и еле слышно она добавила: - Прости. Я просто... я не знаю...

Она изо всех сил старалась взять себя в руки.

- Я не хочу тебя обманывать, - Дима сел в большое кожаное кресло и, прокрутившись, повернулся к ней лицом. - Я столько искал ее. И вот она здесь...

Полный надежды голос Димы острым кинжалом резанул по ее сердцу. Она прикрыла глаза, сглотнула.

- Но я люблю тебя! - попытался объяснить он.

- И ее, - еще тише произнесла Марина.

- Марина, - выдохнул он, вскакивая на ноги.

- Все. Хватит. Сейчас и так много проблем. Разбираемся с чувствами потом, - твердо произнесла она, удивляясь собственной силе и стойкости. - Я пойду дальше спать.

Запахнувшись в халат, она выскочила из кабинета Димы, но сон как рукой сняло. Она металась по спальне, не находя себе места. Дима, Ева, Мортис, Филипп...

Мысли перескакивали с одного на другого.

Она чувствовала себя опустошенной и руки потянулись к экрану телевизора. Она ведь всегда делала так: в минуты отчаянья пряталась в информационном мире.

Закрыв глаза, она позволила своему сознанию скользнуть туда, где ей было все подвластно.

Нули, единицы мерцали, превращаясь в нити, оплетая все на своем пути. Марина улыбнулась и провела пальцами по информационным нитям.

И тысячи новостей мира окружили ее. Все как один обсуждали произошедшее восемнадцать часов назад, а именно: взлом гаджетов всего мира и заявление о неких “дэвлесс”.

Марина только сейчас поняла, что натворил Мортис: страх окутывал человеческие новости. Мир был в панике. Мировая экономика разом пошатнулась.

Девушка махнула рукой, убирая лишние экраны.

Крупный план разрушенного Белого дома ошарашил ее, оглушил. Она вдруг осознала, что обратного пути не было. До этого момента она наивно полагала, что это происшествие гениальные умы дэвлесс смогут замять.

На других экранах показывались видео, где один дэвлесс левитировал, а на другом – та рыжая неизвестная играла с огнем, а на другом Марина узнала себя и Диму.

Имя Димы звучало в списке влиятельных дэвлесс.

Марина замахала руками, приближая к себе экраны с Димой. Дима обнимал ее за плечи и вел в здание “Аскендит-групп”.

Американское телевиденье обсуждало возможность причастности к теракту Дмитрия Аскендита.

Отовсюду на разных языках звучало одно и то же: “Дэвлесс – террористы”, “Дэвлесс – угроза”.

И опять крупный план съемок разрушенного Белого дома.

Марина задрожала и обхватила себя руками. Что Мортис задумал?

Дима уткнулся губами в кулак. Он чувствовал вину после разговора с Мариной. Но не мог ничего с собой поделаться, он не мог вычеркнуть свои чувства. Ева была родной ему, это было нечто большее, чем любовь. Он переживал за нее как за члена своей семьи.

И в то же время была Марина..., которую он тоже любил.

Как он мог объясниться, если до конца сам не мог разобраться в себе?

Дима поморщился и, вздохнув, встал. В самом деле, уже четыре утра. Надо еще успеть поспать перед тяжелым рабочим днем.

Дима выключил настольную лампу и направился в сторону спален.

– Вы отдохнуть? – поднял на него глаза Том, когда он проходил мимо секретаря, работающего за кухонным островом.

– Тебе бы тоже отдохнуть, – буркнул Дима и похлопал верного секретаря по плечу.

Том махнул рукой, мол: “не помру”. Дима хмыкнул, и даже позавидовал способности Тома к выживанию. Недосып Том тоже не чувствовал и мог спокойно работать всю ночь.

– Вы можете быть следующей мишенью Мортиса, – словно невзначай произнес Том и покосился на босса. Дима замер, посмотрел на ночной город за окном, на украшенную ель, горящую золотыми огнями, и промолчал. Сказать было нечего.

Аскендит подошел к спальне. Охватив ручку двери, он замер на мгновение.

Все так изменилось за последний месяц. Месяц назад он считал Марину обычной студенткой и его главной головной болью были атаки Виверн. Теперь Виверн, самый разыскиваемый хакер мира, дочь Мортиса и Евы, ждала его в спальне, а весь мир катился в тартарары.

Дима распахнул дверь и увидел замершую у телевизора Марину. Она стояла неподвижно, дотронувшись двумя пальцами до экрана.

Губы Аскендита сжались. Страх, недоверие проснулись в нем.

Она ведь Виверн.

Он сорвался с места, чтобы выдернуть девушку из информационного мира, но рука в нескольких сантиметрах от ее локтя остановилась.

Дима вгляделся в ее лицо, понимая что, даже не смотря на все, что они прошли, не до конца доверял ей.

Нет! Он доверял ей. Просто он боялся снова ее потерять. Он не мог держать под контролем информационный мир. Он не знал, что именно она там делала. Он не мог ее там защитить.

Аскендит взял себя в руки, сел на кровать и прикрыл покрасневшие от усталости глаза. Завтра он планировал лететь в Москву к Еве, но теперь неизвестно когда он сможет ее навестить. Мортис создал много проблем, и теперь Диме приходилось их разгребать.

Дима очередной раз вздохнул, подобно недовольному мопсу и, подойдя к Марине, рывком поднял ее на руки. Она дернулась, заморгала. Ей потребовалось несколько секунд осознать, где она находилась. Рот Димы искривился в улыбке.

– Надо поспать. Завтра будет тяжелый день. Надо набраться сил, – тихо произнес он и уложил ее на кровать. Скинув одежду, он нырнул под одеяло рядом с Мариной. Матрас прогнулся под его весом. Он облокотился на руку и посмотрел на нее. – Не знаю, сколько мне понадобится времени, чтобы привыкнуть к тому, что ты уходишь в информационный мир.

Он нежно провел по ее лицу костяшками пальцев. Марина улыбнулась в ответ и прильнула щекой к его руке.

- Спасибо, что вытащил меня из тюрьмы - я ведь тебе так этого и не сказала.

И Дима притянул ее к себе, обнял, прильнул губами к губам.

Свет люстры моргнул и погас. Дима вздрогнул от неожиданности и уловил смеющийся взгляд девушки.

- Мне понадобится время, чтобы привыкнуть к настоящей тебе.

Глава 4

Руины

Сотни видео со взрывом Белого дома, а позже с его руинами были шокирующими. Алессия Амбре, не отрываясь от экрана ноутбука, поймала губами трубочку, вставленную в кофе со льдом. Обычно она любила командировки - это давало возможность отвлечься, посмотреть на свою жизнь под другим углом. Да и летать на частном самолете Дмитрия Аскендита было одно удовольствие: салон, отделанный древесиной породы бокоте и кожей, меблированный Poltrona Frau[2 - Итальянский мебельный бренд.] даже пах роскошью.

Но где-то глубоко внутри Алессия знала: просто ее пугала пустота в квартире. Она ненавидела одиночество и, придя в пустую квартиру в исторической части Лондона, всегда включала телевизор, радио, просто для того, чтобы заполнить звенящую тишину.

Перелет длился восемь часов, но было столько дел, что о сне Алессия могла только мечтать. Она должна была накидать заготовки для статьи. Она могла взять для "Davless-news" материал одного из корреспондентов на месте, но она хотела увидеть все собственными глазами.

Заявление людей Мортиса испугало ее. Дэвлесс скрывались от людей и все понимали, что у человечества численное преимущество. Дэвлесс могли спокойно жить, смешиваясь с толпой, но теперь неизвестно что будет.

Алессия должна была откинуть все страхи и делать свою работу.

Объявили скорую посадку. Журналистка закрыла ноутбук и пристегнулась.

Машина с водителем, предоставленная Дмитрием Аскендитом уже ждала ее возле трапа. Она мысленно поблагодарила Ла Дэвлесс Красной розы и запрыгнула в теплую утробу машины.

То, что она увидела, поразило ее до глубины души. Оператор, за спиной окрикнул ее и указал на ворота. Пробираясь через толпу зевак и коллег, она подошла к воротам Белого Дома и показала пропуск.

Офицер отступил, и Алессия с оператором прошла. Она махнула рукой, чтобы оператор снимал происходящее перед ней.

Агенты АКД, ФБР шныряли то тут, то там. Поисковые работы с собаками были закончены – пострадавших не было. К моменту взрыва Белый дом был пуст. Пострадали только любопытные за забором, сбитые взрывной волной.

Это можно было назвать чудом, но это было совсем не так. Люди Мортиса предупредили всех о взрывах правительственных зданий зная, что всех эвакуируют. “Dominus mortis” могли сначала взорвать здание вместе с людьми как предупреждение, а потом каждый час взрывать по еще одному зданию.

ФБР и АКД уже подтвердили, что взрывчатки не было. Взрыв вызвала сила дэвлесс.

Удивительно, как Мортис собрал возле себя так много сильных дэвлесс. Еще больше пугало, что Мортис скрывался больше двадцати с лишним лет и все это время готовил свой план.

У них было слишком мало времени, чтобы проанализировать происходящее.

Алессия отпустила оператора обрабатывать материал, а сама вновь прыгнула в машину и направилась в кафе на другом конце Вашингтона. Большая часть магазинов и общепита были закрыты. Люди заколачивали окна. Страх окутал город.

Водитель машины медленно ехал, разыскивая работающее кафе.

По пути Алессия редактировала подготовленный материал и когда машина остановилась, скинула готовую статью на сайт "Davless-news".

Теперь несколько часов можно было отдохнуть, правда Алессия была так возбуждена, что знала – заснуть не сможет.

Быстро просмотрев скудное меню, она подозвала официантку и заказала кофе на кокосовом молоке, не потому что любила его, а потому что села на новомодную безлактозную диету и даже не смотря на всеобщий хаос, не собиралась срываться.

Кроме кофе официантка приняла заказ на овощной салат и направилась в сторону кухни. Алессия устало откинулась на спинку неприятного дерматинового кресла и тяжело вздохнула. Она теребила золотой браслет на руке и, посмотрев, как свет от бра над головой отражался в браслете, улыбнулась.

При одном взгляде на браслет она вспоминала мужчину, который подарил его ей.

– Алессия? – воскликнул такой знакомый голос за спиной. Молодая женщина вздрогнула, обернулась, и широкая улыбка окрасила ее лицо.

– Фил? Я только что о тебе подумала! Что ты здесь делаешь? – воскликнула она ошеломленно.

Отросшие кудри, но не на столько, чтобы их можно было забрать в хвост, словно пружинки подпрыгнули. Фил наклонился и вцепился губами в губы Алессии.

Глаза репортерши изумленно расширились, а потом, довольно прищурившись, закрылись. Оторвавшись от сладких губ, мужчина скинул куртку и сел рядом с Алессией.

– Я иду мимо этой забегаловки и вижу тебя... Я не поверил своим глазам! Ты меня преследуешь?

Алессия покачала головой и проследила, как официантка поставила тарелку с неаппетитно выглядящим салатом. Фил вскинул бровь, смотря на месиво помидоров, огурцов и оливок.

– Ты уже не первый раз меня так случайно находишь... Знаешь, это немного пугает, – прищурилась Алессия.

Он скрестил руки на груди, взмахнул плечами и покаянно опустил голову.

– Ладно, ты меня раскусила. Я установил на твой телефон родительский контроль. Я всегда знаю, где ты находишься.

– Что? – воскликнула Алессия. Редкие посетители обернулись на их столик. Журналистка с недоверием достала свой телефон.

– Вот, видишь, в этой папке, эта иконка... – указал на экран он.

Рот Алессии отвис до самого стола.

– Я не знаю, как реагировать на это, – честно призналась она. Ей не понравилось, что Фил так бесцеремонно влез в ее личное пространство, но...

– А тебе разве не нравилось, что я находил тебя, и мы проводили время вместе? Хочешь, удали приложение, а хочешь, оставь, – улыбнулся он такой очаровательной улыбкой, что внутри Алессии все перевернулось. – Ты, в самом деле, будешь это есть? Поехали ко мне. Закажем еду в номер.

Журналистка растерянно посмотрела на свой телефон на столе, потом на салат. Фил появлялся в ее жизни, как глоток свежего воздуха. Алессия хотела хотя бы на время забыть обо всем произошедшем в последние двадцать четыре часа.

Так и не удалив приложение, она кивнула и кинула телефон в сумку.

Фил галантно открыл перед ней дверь. Его серый Ford гудел незаглушенным двигателем. Алессия поняла, что он и не рассчитывал на долгие уговоры. Но ей на самом деле нравился его напор, она сходила с ума, когда он появлялся и находил ее, когда она была в рабочих поездках.

Она стянула с волос резинку и помассировала голову. Похоже, седьмая кружка кофе была лишней.

Фил отвлекся от дороги и на светофоре впился в ее губы. Машина за ними засигналила, когда они не поехали на зеленый свет. Отстранившись, Фил нажал на газ и произнес:

- Ты даже не представляешь, как я скучал...

- Представляю. Я тоже скучала.

Горячие губы вцепились в ее, как только дверь номера закрылась за ними. Алессия сладостно застонала и запрыгнула на него, охватив бедра Филиппа ногами. Он агрессивно взвыл и придавил ее к стене.

Они не были парой, они были свободны и ни чем не обязаны друг другу. Пару раз в месяц они просто сталкивались и кружились в сладостном танце страсти, а потом расходились как в море льдины и опять жили своей обычной жизнью.

Алессия почти ничего не знала о Филе, кроме того, что он до безумия любил шоколадное мороженное с фисташками, ни разу не смотрел "Один дома" и смеялся до безумия, когда полгода назад она предложила вместе посмотреть этот фильм.

Журналистка перевернулась на живот. Длинные черные волосы шелком растеклись по спине и рукам. Искусанные губы растянулись в улыбке. Она провела тонкими пальцами по груди молодого накаченного мужчины, останавливаясь на нескольких шрамах. Фил повернул голову к ней. Непослушные волосы упали на его лицо, и Алессия, вскинув руку, пробежалась по его кудрям.

– Вот бы мне такие же кудряшки, – прошептала она и наклонила голову вбок, играясь с прядями. Фил перехватил ее руку и приложился губами к ладони, запястью и, притянув Алессию к себе, поцеловал ее шею.

– Ты и так идеальна.

– Еще? – удивленно воскликнула Алессия и рассмеялась. – Извини, дорогой, но двух раз вполне достаточно. Мне надо бежать на работу, а я из-за тебя так и не поела. Где моя еда, которую ты обещал? – пригрозила пальчиком с аккуратным маникюром.

Филипп рассмеялся, но взгляд его стал серьезным. Алессия только сейчас уловила, что он был напряжен.

– Ты такой из-за произошедшего? Все дэвлесс напуганы.

Взгляд его хмурых золотых глаз стал еще серьезней. Пелена волшебства и вакуума от внешнего мира развеялась. Воспоминания о взрыве и освобождении Мортиса заполнили мысли Алессии.

– Я был уверен, что ты бесстрашна, – так тихо, что Алессии пришлось прислушиваться, произнес он.

– Я боюсь, – прошептала она. – Я боюсь, того что будет. Дэвлесс больше не смогут жить обычной жизнью.

Фил медленно слез с кровати и повернулся к ней спиной. И Алессия почувствовала, как между ними встала стена недосказанных слов. Они не привыкли говорить на тему работы, они не затрагивали темы, которые были неприятны.

– Ты права. Нам надо возвращаться на работу, – произнес он и оделся. Он задержался у двери и кинул взгляд полный какой-то тоски на Алессию.

Рот журналистки открылся. Она хотела остановить его, расспросить, что же случилось, но Фил уже закрыл за собой дверь.

Почему-то вспомнился их первый день встречи. Фил был совершенно другим, колючим, недоверчивым.

Глава 5

Филипп

Год назад. Февраль.

Филипп замедлил бег и подтянул черную шапку.

Клубы пара вырывались из легких при каждом выдохе. Расплывчатая верхушка солнца показалась на горизонте там, где виднелись шпили Вестминстерского дворца, окрашивая небо в бледно-розовый цвет.

Здрав манжету перчатки, мужчина проверил пульс на часах и, ступив на мост, перешел на шаг.

Дымка морозного утра уже почти развеялась. Тонкое одеяло снега, выпавшего ночью, стало подтаивать.

Редкие машины и автобусы проезжали по мосту.

Это было любимое время дня Филиппа. Иногда ему казалось, что он бы мог бежать так вечно, пока его сердце бы не остановилось, но поднималось солнце, просыпались люди и наполняли улицы, – волшебство рассеивалось.

Мороз забирался под одежду, охлаждая разгоряченное от бега тело. Филипп попрыгал на месте и собирался вновь перейти на бег, как спортивная машина, проехавшая мимо, резко остановилась в нескольких десятках метров.

Стрелок остановился, готовый к атаке. Рука молниеносно расстегнула жилет и потянулась к пистолету в кобуре.

Из машины выскочила женщина в вечернем алом платье. Шелковая ткань, подхваченная морозным воздухом, разлетелась по вскопанной шинами слякоти. Подол сразу же впитал в себя грязь и налип на ноги в тонких чулках.

Глаза в удивлении расширились, и Филипп замер пораженный.

Незнакомка, зашипев, подобно змее, схватила шубу, маленькую сумку и выскочила на бордюр.

- Том, ты козел! - закричала она, и ногой пнула дверь дорогой машины.

В ответ водитель что-то крикнул ей, перегнувшись, захлопнул дверь и рванул с места.

- Дурак! - закричала она вслед машине и помахала кулаком. - Да как он смеет!

Незнакомка взмахнула черными, словно сама тьма волосами и, просунув голые руки в рукава шубы, резко повернулась и одарила Филиппа нелестным взглядом.

- Что? - резко вскрикнула она.

Филипп моргнул, разжал пальцы с рукояти пистолета. Не часто встретишь в пять утра женщин на дороге в вечернем платье. Помотав головой, он отвернулся и быстро застегнул жилетку.

Тем временем Алессия порылась в сумочке и поняла, что оставила мобильный телефон в консоли машины и разочарованно скривилась.

В туфлях, в тонком платье, она уже чувствовала, как ноги начинали замерзать. Хорошо, что дом ее был недалеко.

Подняв ворот соболиной шубки, она быстрым шагом направилась в сторону дома.

Филипп повернулся и увидел, что незнакомка уходила. Следы ее туфель на белом нетронутом ковре снега бросались в глаза. Стрелок побежал, но бежал он очень медленно в шаг незнакомки. Она то и дело недовольно одергивала влажный подол платья, который прилипал к ногам.

“Куда она идет в таком виде? Может, ей предложить денег на такси?” – возникали вопросы в голове Филиппа.

Он не сводил взгляда с ее фигуры, волос, что отражали еще не выключенные фонари улиц. Она была красива. Возможно, самая красивая женщина, которую когда-либо видел Филипп. Тонкая ткань платья обрамляла округлые бедра.

О, как она ими виляла!

Филипп сглотнул.

Незнакомка покосилась через плечо на него и ускорила шаг. Филипп вдруг понял, что пугал ее и замедлился.

Но что он мог сделать, если их дороги были в одном направлении?

“Это ведь глупо менять маршрут из-за какой-то незнакомки”, – подумал он и вновь ускорил шаг.

Незнакомка нервно подхватила раздражающий ее подол платья и перебежала дорогу на пешеходном переходе.

Филипп засмотрелся на ее длинные ноги и резинку чулков, что показалась при беге. Он нервно хмыкнул: ему ведь тоже, чтобы попасть домой надо было перейти дорогу. Что ему делать? Перейти дорогу в другом месте?

– Черт! – тихо выругался он и перешел следом за незнакомкой.

Молодая женщина, уже не скрывая своего страха, взбежала по лестнице. Она остановилась у двери подъезда и судорожно искала ключи в маленькой сумочке.

Филипп замедлился, не понимая как действовать. У него еще не было такого, чтобы кто-то принимал его за маньяка, когда его помыслы чисты и невинны. Обычно было совсем наоборот.

Незнакомка трясущимися руками пыталась приложить магнитный ключ домофону, и как можно быстрее вбежала в подъезд.

Филипп застыл у двери. Ключи от квартиры в его руках сверкнули в первых лучах солнца. Он благоразумно подумал, что лучше зайти чуть позже, чтобы не смущать девушку еще больше. Дверь в подъезд закрылась.

Алессия с облегчением вздохнула, чувствуя себя, словно только что вышла из клетки с тигром.

Все еще чувствуя дрожь в руках, она прильнула спиной к стене и нервно рассмеялась. Глубоко вдохнув, она вытащила почту из почтового ящика и направилась по лестнице на третий этаж.

Тем временем нервно, недовольно Филипп сложил руки на груди и, чувствуя себя полным идиотом, посмотрел на дверь и ключ в своих руках.

“Да какого черта!” – подумал он и открыл дверь подъезда. Легко взбежав по лестнице на третий этаж, он замер, увидев незнакомку напротив соседской двери.

Она была его соседкой?

Медленно молодая женщина повернулась, рот ее приоткрылся, готовый извергнуть крик.

Стрелок не мог позволить ей привлечь к нему внимание полиции. Недолго думая он в два шага преодолел расстояние между ними и зажал ее рот рукой в перчатке.

Незнакомка испуганно пискнула и, обмякнув, начала оседать в его руках.

– Я ваш сосед. Я из квартиры 36! – растерянно прокричал он, боясь, что она сейчас потеряет сознание.

Рука преследователя зажала рот. Алессия подумала, что все: это ее конец. Ее труп теперь найдут где-то в канаве... или еще хуже: в собственной квартире. Соседи через пару недель вызовут полицию из-за вони. А лежать она будет в ванной. Почему в ванной? Алессия не знала. Почему-то ей показалось, что однозначно ее труп будет лежать в ванной...

Филипп растерянно схватил ее за плечи и хорошенько встряхнул.

– Девушка! Девушка! Придите в себя.

Алессия медленно подняла глаза на него и заторможено осознала, что сидела на бетонном полу, облокотившись на собственную дверь, а ее преследователь махал перед ней ключами и указывал на квартиру напротив.

Она закрыла глаза и вновь открыла. Ей точно надо было сегодня меньше пить.

Филипп скривился и, встав с корточек, пошел открывать свою квартиру. Надеясь отыскать нашатырь или, может, виски для себя.

“Чокнутая!” – думал он.

“Это же маньяк”, – крутилось у нее в голове.

Увидев удаляющуюся спину маньяка, она еще раз моргнула и проследила, как он открыл дверь квартиры напротив. И вдруг до нее дошло, что же произошло, и выругалась так смачно, как любила. На итальянском, с подбором слов, которые выдавали в ней итальянку, хоть она и говорила на идеальном английском.

Филипп ошарашено обернулся, не успев ступить на порог. Ругательство, которое звучало из этого прекрасного рта, окрашенного красной губной помадой, звучало как музыка, если бы он не понимал смысл слов.

Алессия захлопнула свой рот, увидев вытянувшееся лицо соседа. Как правило, британцы, да и не только, не понимали, что она говорила, но этот мужчина,

которого она приняла за маньяка, однозначно понял, куда она его послала.

– Простите, – пискнула она. – Я не вас имела ввиду... Я ругалась на самую ситуацию. Я вас приняла за маньяка-насильника.

Алессия покраснела и, вскочив на ноги, быстро скрылась за своей дверью. Захлопнув ее, она ошарашено посмотрела на себя в зеркало и разочарованно ударилась об него лбом. Ей было жутко стыдно.

Рот Филиппа отвис. Он всякое видел в жизни, но такого у него еще не было.

Он прошел вглубь квартиры, которая наполнялась рассветными лучами солнца. Почему-то его мысли были до сих пор прикованы к соседке с красивыми, блестящими, словно живой шелк, волосами, почти черными глазами и таким манящими губами...

Стрелок встряхнул головой, пытаясь отогнать возникшие в голове мысли. У него было важное задание и точно нельзя было отвлекаться на всяких... соседок, даже и очаровательных.

Невольно губы растянулись в улыбке, вспомнив как она смачно его обложила ругательством на итальянском.

Он открыл холодильник. Из глубины пустого холодильника на него грустно взирало одно яйцо. Он вздохнул, осознав, что забыл позаботиться о завтраке и скучаяще разбил жалкое яйцо на сковородку.

Яйцо только подогрело аппетит и заставило желудок требовать продолжения застолья. Пообещав себе, что зайдет на вокзале в забегаловку и позавтракает, он прошел в спальню. Кроме кровати и письменного стола в ней ничего не было. Филипп достал из-под кровати сумку и, разложив снайперскую винтовку на столе, стал ее прочищать и готовить к работе.

Рука провела по холодному металлу и в голове возникли черные гладкие волосы девушки, длинными пальцами он пробежался по прицелу. Он любил свою M-200 и забота о ней была успокаивающей медитацией.

Кто-то, приходя после тяжелого рабочего дня, гладил кошку или выгуливал собаку, а Филипп отдыхал, когда заботился о своем оружии.

Тут пронзительно заверещал звонок. Филипп резко развернулся, нахмурился и быстрым, но тихим шагом подошел к двери.

В дверном глазке показалась черная макушка соседки.

Скривившись и бросив взгляд на наручные часы, он резко открыл дверь. Соседка отпрыгнула от открывшейся двери и скромно потупилась.

Ее роскошные волосы были собраны в неряшливый пучок на голове, а вечернее платье заменил спортивный костюм.

– Я хотела извиниться, – начала она быстро, протягивая нечто, напоминавшее то ли пирог, то ли чью-то отрыжку.

Ноздри Филиппа расширились, улавливая на удивление приятный мясной аромат.

– Это лазанья. Не смотрите на ее внешний вид, она вкусная. Я вчера готовила, но не успела к ней притронуться. Ее надо просто разогреть в микроволновке, – продолжала она говорить, пытаясь протиснуться в проем двери.

Филипп, обалдевший от такой наглости, выставил руку в проеме, преграждая ей путь, но она благополучно нырнула под его руку. Глаза стрелка расширились от удивления до размера блюдца. Он поспешил закрыть дверь в спальню перед ее носом, ведь там была разложена винтовка.

Соседка нагло порыскала глазами по узкому коридору и, толкнув бедром Филиппа, прошла на кухню.

– Кстати, мы не познакомились. Я – Алессия.

Она окинула взглядом идеально вымытую кухню, чистый стол, голые окна.

– Мда... Не хватает здесь женской руки. Сразу видно, вы живете один.

Филипп отошел от первого шока и, нахмурившись, кинул взгляд на дверь, ведущую в спальню.

– Я сейчас занят и вас не приглашал.

Алессия весело рассмеялась и, махнув рукой, непринужденно начала по очереди открывать верхние шкафчики.

– Где у вас тарелки? Мы бы сейчас позавтракали вместе... за знакомство... Вы, кстати, так и не сказали как вас зовут, – она очаровательно улыбнулась и вытащила две тарелки с верхних полок. – Нашла!

– Мисс Алессия, я прошу вас уйти. Мне скоро выходить на работу, – хмуро произнес Филипп, чувствуя себя странно: ее наглость одновременно раздражала и завораживала.

Алессия изумленно подняла глаза с приборов, что раскладывала на столе, на Филиппа.

– Но я уже все разложила. Не упрямитесь. Я хочу извиниться за то, что приняла вас за маньяка.

“И теперь сами смахиваете на маньячку”, – подумал Филипп, но оставил свои мысли при себе. Он начал понимать водителя автомобиля, из которого Алессия выскочила. Если она вела себя столь же нагло с ним, то ничего удивительного, что он оставил ее на мосту.

Сейчас, без вечернего платья и идеально уложенной прически Филипп понял, что ей было около двадцати пяти, может быть больше.

Дзвянкнула микроволновка. От аппетитного аромата слюна наполнила рот. Желудок заурчал.

Алессия через плечо кинула на него довольный взгляд:

– Лазанья по рецепту моей мамы очень вкусная.

Филипп, заморожено следил, как Алессия поставила стеклянный противень перед ним, достала лопатку из шкафчика, о существовании которой Филипп не знал, и стала раскладывать лазанью.

Журналистка довольно смотрела, как Филипп с аппетитом поглощал лазанью, и ковыряла вилкой свою порцию.

Ее сосед был красив: глаза блестели желтыми бриллиантами, мужественный подбородок, легкая щетина. Единственное, чтобы она изменила: кучерявые волосы, собранные в хвост, не любила она длинноволосых мужчин, но почему-то ее соседу так шел хвостик, что она на минуту задумалась, а был бы он так интересен, если бы была короткая стрижка?

Филипп понял, что ел воистину вкуснейшую лазанью в своей жизни. У него даже слезы на глаза навернулись.

– Так как же вас зовут? – махнув ресницами, улыбнулась мисс Амбре. Она знала, что вопросы мужчинам надо задавать на сытый желудок. Поев, мужчины становились податливыми и неповоротливыми как тюлени.

Филипп моргнул, вспомнил, что находился не один и встретился глазами с девушкой перед ним.

Должен был ли он говорить ей свое имя? Какое из его имен использовать?

Алессия улыбнулась еще шире, оголяя белоснежные зубы. Тонкие руки поглаживали керамику кружки, большой палец повторял изгиб ручки.

“Она ведь всего лишь человек. Ничего же не будет, если я скажу ей свое имя?”

– Фил.

– Приятно познакомиться, Фил.

Глаза девушки очаровательно заискрились одобрением. Филипп резко опустил взгляд на тарелку и доел восхитительную лазанью.

– Мне уже пора выходить на работу...

– Я поняла вас, – резко встала она.

Стрелок изумленно замер. Он думал, что ее придется выгонять из квартиры. Алессия махнула рукой на лазанью. – Когда доедите, занесите мне форму, пожалуйста.

Филипп кивнул и проследил, как девушка подошла к двери. Алессия махнула ему рукой, и тут ее взгляд упал на консоль.

Свеженькая газета “Davless-news” лежала скрученная на столешнице вместе с платежками за квартплату. Изумленно Алессия уставилась на газету и так резко повернула голову, что шея хрустнула.

– Ты дэвлесс? – изумленно вскрикнула она. – Это, кстати, моя газета... То есть, я главный редактор.

Филипп растерянно замер. Рот удивленно приоткрылся. Ему потребовалась вся выдержка, чтобы не скривиться от разочарования: ну как она могла оказаться дэвлесс? Да и к тому же главред “Davless-news”? Худшим раскладом могло быть только соседство с агентом АКД или Дмитрием Аскендитом.

Алессия же, напротив, испытала прилив радости. Сосед ей понравился как мужчина, но с людьми у нее не ладилось. Они были из разного теста, и так или иначе, ее тянуло к дэвлесс, как иностранцев на чужбине тянет друг к другу.

– Ты из какого Дома?

Веки Филиппа дернулись. Он до отрезвляющей боли прикусил кончик языка, пытаясь вспомнить что-либо о главном редакторе “Davless-news”, нервно улыбнулся и произнес:

– Дом Лилий.

– Вот это да! А где учился? – От этого неожиданного вопроса стрелок напрягся. Алессия почувствовала, что соседу не понравилась ее настойчивость и

вздыхнула: – Прости... Это вся моя журналистская сущность... Не надо отвечать. Я пойду. Может, как-нибудь выпьем?

Филипп кивнул и проследил, как дверь за ней закрылась.

Густые черные брови образовали линию. Эта девушка вызвала в нем противоречивые чувства: она его одновременно привлекала и пугала.

Он закрыл дверь на замок и поторопил себя – он должен был выходить из дома. Он разобрал винтовку, аккуратно сложил ее в подготовленную спортивную сумку со специальными прорезями для деталей.

Застегнув куртку, он закрыл на ключ дверь квартиры и сбежал по лестнице вниз.

Перед миссией он всегда был совершенно спокоен и серьезен. Час в такси, два часа в поезде, еще час в такси и три часа ожидания.

Филипп лежал на крыше здания, готовый в любой момент выстрелить. Он не использовал музыку в работе, потому что терял концентрацию.

Напряженный, подобно волку на охоте, он ждал свою жертву.

Филипп рассчитывал все заранее. Ветер мог отклонить пулю, от температуры на улице колебалась скорость.

Выстрел был всего лишь кульминацией подготовки. Настоящая работа проводилась до выстрела.

Нельзя было через винтовку концентрировать зрение на одиночной точке прицеливания, иначе образ запечатлевался при смене положения.

“Вот, посмотри, – нахлынули воспоминания на Филиппа, и голос отца возник в голове, – если смотреть на черную точку двадцать или тридцать секунд, то при перемещении взгляда на белую стену можно увидеть образ точки. Это называется запечатление. Это запечатление можно принять за истинное расположение точки прицеливания”.

Именно поэтому, как только Филипп увидел директора АКД, он сконцентрировался на точке прицеливания между глаз, и почти сразу же сделал вдох, выдох, задержал дыхание и нажал на спусковой крючок.

Как только Филипп выстрелил, он собрал вещи, поднял гильзу и, накинув капюшон, вышел из здания.

Он только что убил человека, но внутри него было пусто. Он уже давно перестал что-то чувствовать.

Первый раз, в тринадцать лет, когда он застрелил первого человека он помнил как плакал. Выл, словно раненый зверь. Его вывернуло наизнанку прямо после выстрела. Отец тогда схватил его за шкуру и доволоч до машины. Фил смутно помнил то чувство ужаса, глубинного стыда и понимания, что обратной дороги уже не было. Он был проклят.

Он чудовище.

Это ощущение сопровождало его еще много лет и угасало с каждым выстрелом, пока не выжгло все его чувства. И ему казалось, что все человеческое в нем уже выгорело и осталось только чудовище.

Рожденный, чтобы убивать, солдат Анирама Мортиса.

До первого убийства Филиппу нравилось внимание отца к себе. Анирам Мортис – жесткий, не терпящий неповиновения человек, но он был его отцом и Фил изо всех сил пытался ему угодить.

Но после первого убийства, Филипп часто фантазировал, что бы было, родился он у обычных людей, хотя бы простых пьяниц, которые бы сплывили его в приют. Он бы все отдал за это... Эта, еще детская фантазия, иногда вспоминалась ему и болью отзывалась где-то внутри.

Спустя каких-то пять часов, перекинув сумку на плечо, Филипп выбрался из такси. Промозглый ветер к вечеру усилился, и он мечтал только о горячем ужине, холодной бутылочке пива и мягком диване, но как только он вставил ключ в замочную скважину своей двери, как черт из табакерки возникла

Алессия.

- Привет, - наклонила она голову вбок, втискиваясь между стеной, Филиппом и дверью.

Стрелок хмуро скосил глаза на нее. Он хотел сейчас побыть в одиночестве, и не испытал радости при виде приставучей журналистки. Он проигнорировал ее и сделал шаг за порог.

- Я устал, - буркнул он и хотел закрыть за собой дверь, но маленькая ножка на головокружительно высоком каблуке вставилась в щель.

Филипп вскинул хмурый взгляд и спрятал за спину сумку с винтовкой. Сумка со стороны выглядела как обычная спортивная сумка, но, все же, он не хотел рисковать.

Алессия улыбнулась шире и протиснулась в коридор его квартиры, оттеснив соседа.

Он был ее типажом идеального мужчины: brutальный, небритый, хмурый, не пугливый. Он выглядел как рокер, сошедший со сцены к ней. Он так отличался от мужчин к которым она привыкла в выглаженных дорогих костюмах, бритых, как Том. Он был словно свободен от оков офисной жизни. Она смочила языком нижнюю губу и сглотнула:

- Я бы хотела тебя пригласить посидеть где-нибудь. Ты, наверное, любишь пиво... Мы могли бы пойти в паб. Как смотришь на это?

Алессия повела плечом, соблазнительно - по ее мнению - потупила глаза и взмахнула пару раз ресницами.

Филипп обомлел. Эта девушка его пугала. От нее исходила такая сильная подавляющая энергетика, что не поддаться ей было сложно.

- У меня сегодня было много работы, - попятился он. Алессия, не растерявшись, сделала шаг в его сторону.

– Так отдохнем. Это же ни к чему не обязывает. Я просто хочу извиниться за то, что приняла тебя за маньяка.

Стрелок нервно кинул взгляд на дверь ее квартиры и вздохнул:

– Ладно. Мне надо принять душ и переодеться. Только подожди меня в своей квартире. Хорошо?

Алессия прищурилась и подозрительно произнесла:

– А это не предлог выгнать меня из квартиры, чтобы потом запереться здесь и делать вид, что тебя нет дома?

Филипп хохотнул.

– Вот блин. Разгадала мой коварный план.

Алессия пригрозила ему пальчиком.

– Нет. Я подожду тебя здесь. Обещаю ничего не трогать.

Фил скосил глаза на спальню, где в шкафу за второй стенкой хранил оружие, документы, наличку, потом посмотрел на комод в гостиной, где оставил пистолет в одном из выдвижных ящиков.

– Пес с ним. Пошли прямо сейчас, – произнес он и, закинув сумку с винтовкой в спальню, обернулся к Алессии.

И только сейчас он обратил внимание на то, что она была одета в короткое алое платье, поверх которого была накинута соболиная шубка, та самая, в которой она была с утра. Она цокнула каблуком высоких сапог и заправила за ухо прядь длинных волос. Алессия широко улыбнувшись, прильнула к его руке

– Такси уже ждет нас внизу, – пропела она.

Стрелок опустил взгляд на нее и вздохнул. Алессия даже не поставила под сомнение, что он поедет с ней. Она была невероятно самоуверенной и... жутко привлекательной. Не возможно было сопротивляться ее напору.

Губы Фила дрогнули в улыбке, и он подставил локоть для ее руки.

Эта женщина не могла оставить мужчин равнодушными – ее или ненавидели, или любили. Третьего было не дано.

Закрыв дверь квартиры, они спустились вниз и сели в такси.

– Дай угадаю, ты уже и столик забронировала? – вскинул широкую темную бровь Фил.

Алессия скрючила хитрую мордочку и, рассмеявшись, кивнула.

Он помотал головой, но не сдержал улыбки.

Она была похожа на ураган, который вопреки метеопрогнозам, вдруг ворвался в его жизнь. И Филипп позволил себе один день отдаться во власть этой красивой женщины.

Покачиваясь на тонких шпильках и держась за широкое предплечье Филиппа, Алессия вошла в “The Old Bell Tavern”.

Алессия улыбнулась, вспоминая времена ее молодости, когда она работала в типографии и частенько зависала в этом пабе с друзьями.

Заведение, построенное в 1670 году Кристофером Реном, было сердцем Лондона. Каменный пол, коричневый фасад здания, матовые окна с цветными стеклами – ничего не изменилось здесь даже спустя пятнадцать лет.

Они сели за столик в дальнем углу паба, забитого до отвала.

Алессия поблагодарила официантку, открыла меню и посмотрела поверх листов на Фила. Он рассматривал заведение, словно не бывал здесь ни разу.

Для Алессии, что провела в Лондоне студенческие годы, было удивительным, что кто-то мог не знать “The Old Bell Tavern”.

Алессии нравилось проверять свои дедуктивные способности на незнакомцах. Она пыталась понять как живет человек, до того как спросит его об этом. Фил говорил без акцента, то есть, скорее всего, он был из южной части Соединенного королевства. Смуглая кожа, обласканная солнцем, словно кричала о недавнем посещении южных стран. Воображение Алессии сразу представило Фила катающегося на доске где-нибудь на Бали, голый торс его обдувал ветер, с влажных волос стекала вода...

Алессия облизала губы и, моргнув, вернулась в реальность:

– Ты недавно в Лондоне?

Фил отвлекся от разглядывания светильников и посмотрел на нее. Он настороженно нахмурился и кивнул.

– Я здесь по работе, – уклончиво ответил он.

Алессия прикусила нижнюю губу и опустила глаза на меню. Его ответ раззадорил ее, словно собаку подкинута палка. Она обожала загадки, и журналистское чутье говорило, что Фил не так прост, как кажется на первый взгляд.

Алессия очаровательно улыбнулась и быстро заговорила тонким голосом, подобно певчей птице:

– А я вот со студенческими друзьями часто зависала здесь в период практик в издательствах и типографиях. Ночь кутили, а потом на работу еле вставала и спала под лестницей... Как-то раз начальник меня застукал спящей на коробках с книгами, – хихикнула она. – Ох, и крику было. Хорошо, что я с директором типографии в хороших отношениях была, он не уволил меня, а то не видать мне диплома как своих ушей... Хорошее было время.

Филипп в ужасе уставился на Алессию. Она уловила его шокированный взгляд и махнула рукой:

- Ты так смотришь на меня, как будто сам не кутил в студенческие годы.

Филипп приподнял бровь, не зная, что ответить. Нет. Он не кутил. У него не было студенческих лет. Под контролем Владыки, он освоил программу академии в тринадцать лет и с четырнадцати, когда стал выглядеть старше, чтобы летать самостоятельно, стал выполнять задания.

У него никогда не было друзей. Он не задерживался больше нескольких месяцев в одном месте. Он был киллером и членом "Dominus Mortis".

Конечно, иногда он приходил в какой-нибудь бар выпить и подцепить кого-нибудь на одну ночь, а иногда просто заказывал проститутку...

- Фил? - позвала его Алессия. - Ты выбрал что будешь?

Стрелок вскинул глаза на официанта и произнес:

- "Meantime London" мне... И что-то поесть. Я не ужинал еще, - он кинул взгляд на Алессию.

- Рекомендую каре и картошку фри, - произнес официант, указывая в меню.

- Да, пожалуйста.

- А вы, мисс? - обратился юноша к Алессии.

- Мне, пожалуйста, "Meantime Pale" и салат, вот этот, - тыкнула она пальчиком.

Официант ушел и Алессия, скрестив пальцы, подперла подборок. Она все не могла нащупать точки соприкосновения с Филом. Тему студенчества он поддержать не захотел, тему работы тоже... Ох, как ее заводили молчаливые мужчины...

Алессия сидела, закинув под столом ногу на ногу, и покачивала носком сапога. Она опустила голову к плечу и, не стесняясь, гладила лицо Филиппа взглядом.

Они молчали, и смотрели друг на друга, и в этом молчании им было комфортно, словно в теплом пуховом одеяле. Это было так странно – они ведь не знали друг друга.

Официантка поставила перед ними по бокалу эля.

Не сводя взглядов, они сделали по глотку, и Алессия прервала молчание:

– Какое твоё хобби? – произнесла она таким томным с придыханием голосом, что Филиппу потребовалось несколько секунд, чтобы до его мозга дошла суть вопроса.

– У меня нет хобби, – округлил он глаза и сделал ещё один глоток, только чтобы прервать с этой невероятно соблазняющей женщиной зрительный контакт.

– Как это? У всех есть хобби! – воскликнула Алессия. – Чем же ты занимаешься, когда приходишь домой после работы?

– Сплю, – не задумываясь ответил он.

Рот Алессии отвис. Несколько бранных слов слетело с её языка, и она в сердцах раскинула руки:

– Да ты просто невозможен!

Филипп хмыкнул, сделал ещё один глоток и добавил:

– Перед сном я читаю. Наверное, это ты называешь “хобби”?

Алессия встрепенулась и вся вжалась в стол, приближаясь к Филу. Читающие мужчины были её слабостью. Филипп выглядел таким грубым, неотесанным, словно камень, а-ля молодой канадский лесоруб. А тут он ещё и читал...

“Похоже, Алессия, ты пропала”, – сказала она себе и широко так, что чуть не треснуло лицо, улыбнулась:

– А что ты последнее читал?

– “Тень горы” Грегори...

– ...Дэвид Робертса, – перебила его Алессия. Она все еще сомневалась, что он говорил правду. Некоторые мужчины, узнав, что она редактор газеты, набивали так себе цену. – Как тебе?

– Первая часть была лучше, – улыбнулся он, почувствовав, что Алессия проверяет его. В этот момент подошел официант и поставил перед ними блюда.

Рот Филиппа наполнился слюной, а желудок заурчал от восхитительных ароматов. Разом забыв об Алессии, он накинулся на еду потому, что был дико голоден. Он не ел почти весь день.

Проглотив каре из ягненка и картошку фри, он допил залпом остатки эля. Фил подозвал официанта, попросил повторить эль и только после этого вновь посмотрел на Алессию, которая так и застыла с открытым ртом и занесенной вилкой с наколотым помидором черри.

Фил съел все буквально за несколько секунд.

Расслабившись и облокотившись на спинку стула, он довольно улыбнулся. Слабая боль в висках, которая всегда появлялась у него от голода, исчезла.

Увидев реакцию Алессии, он махнул плечами:

– Прости, но я был жутко голоден.

“Я такого не прокормлю”, – подумала Алессия и, усмехнувшись своим же мыслям, засунула в рот ломтик помидора.

– Мой папа был таким же. Правда в памяти уже мало что осталось, он ушел из семьи к любовнице, когда мне было лет тринадцать... Я тогда винила себя во всем произошедшем, а теперь понимаю, что он ушел из семьи по своим причинам.

Фил насупил густые черные брови.

– Почему ты винила себя?

Алессия манула плечами и перевела взгляд на играющих в дартс мужчин.

– Хоть я и дэвлесс, – сказала она тише, – сила во мне так и не проявилась и отца это бесило. Он все обвинял маму, что это она виновата во всем, потому что она была из слабого клана.

Алессия покосилась на Фила. Она привыкла, что после того, как она сообщала, что пустая, многие мужчины-дэвлесс начинали смотреть на нее по-другому. Она привыкла к этим пренебрежительным взглядам с самого детства. Дети жестоки. Когда она поступила в Академию сила так и не проявилась. Она была пустой, третьим сортом дэвлесс. Она чувствовала себя инвалидом. В Академии те, кто обладал силой, были элитой, а тот, кто был из правящих семей – почти богами.

Всю жизнь Алессия доказывала, что она чего-то стоила.

Во взрослой жизни, конечно, были другие правила: кто владел деньгами, тот и владел большей властью.

Она стала самым молодым главным редактором “Davless-news” из-за своего таланта и потому, что она привыкла усердно работать и не полагаться на свою силу.

В ее подчинении были и дэвлесс с силой и пустые, такие же, как она.

“Пустая” – какое же унижительное слово. Неужели в дэвлесс не могло быть ничего другого кроме силы?

Ничего не добившиеся в жизни дэвлесс кроме силы ничто не имели. Они кичились ей и не забывали указать на свое превосходство в этом.

Это дико злило, раздражало Алессию в юности и сейчас, хоть и не с такой силой. Поэтому она всегда проверяла мужчину перед собой, сообщая в лоб, что она пустая.

Как правило, этой новости, хватало, чтобы понять какой человек перед ней.

- Дурак твой отец, - произнес Фил.

Алессия прищурилась, наклонила голову вбок и помешала эль трубочкой. Фил не выглядел удивленным. Он обладал или актерским талантом, или и в самом деле ему было все равно на то, что она пустая.

- А какая у тебя сила? - это был совсем не тактичный вопрос. У дэвлесс было неприлично об этом спрашивать.

Но чем старше она становилась, тем больше свидания становились похожи на собеседования.

Играющие в дартс мужчины за спиной галдели все громче, Алессия бросила на них недовольный взгляд.

Филипп поднял бокал с элем и пригубил его - он сделал это намеренно, чтобы дать себе время обдумать, что ему ответить.

Он не мог сказать правду. Алессия вообще не должна была узнать, что он дэвлесс, но глупо было отрицать очевидное, если она увидела газету. Он должен соврать и сказать, что он пустой... Но почему ему не хотелось врать? Он устал от постоянной лжи. Да и смысл врать, если они больше никогда не увидятся? Телекинез - не такая уж редкая сила в рядах дэвлесс.

- Телекинез, - тихо ответил он и, улыбнувшись, кинул взгляд по сторонам. Он приподнял бокал и переместил силой пробковый бирдекель к Алессии.

Журналистка выдохнула. Как бы она не уверяла саму себя, что сила не важна, но видя, как использовали силу другие по ее коже бежали мурашки.

- Но я многое отдал бы за то, чтобы родиться без силы, - задумчиво добавил он, и улыбка сползла с губ Филиппа, когда он понял, что сказал эти слова вслух.

Это было правдой. Если бы в нем так и не проявилась сила, возможно ли, что Владыка избавился от него? Подкинул бы его к какому-то приюту. Фил бы вырос обычным человеком. Он бы не стал убийцей.

Он был рожден, чтобы служить отцу. Он был рожден, потому что смешение крови Аскендитов и Пурусов должно было дать большую силу. Он был рожден, чтобы стать членом “Dominus Mortis”...

Если бы только его сила не проявилась... Он смог бы жить обычной жизнью?

Алессия закусила губу, ошарашено рассматривая лицо Фила.

– Почему ты так говоришь? Разве тебе не нравится перемещать предметы одной силой мысли? – тихо поинтересовалась она.

Фил недовольно поджал губы. Он не должен был говорить о силе. Он, вероятно, слишком много выпил на голодный желудок и быстро опьянел?

Один из играющих в дартс мужчин запутался в собственных ногах и задел угол стола, за которым сидели Филипп и Алессия.

Фил удержал свой бокал.

Алессия вскрикнула, остатки эля ее вокала расплескались по столу. Мужчины громко рассмеялись своими низкими голосами.

Филипп обернулся и манул им рукой:

– Аккуратней. Вы так галдите, что мы даже собственные голоса не слышим, – попросил он вполне вежливо.

Мужик, что врезался в их стол, превосходил Фила вширь раза в два. Его огромный живот колыхнулся, выглядывая из-под футболки. Сфокусировав пьяный взгляд на Филе, он икнул и произнес заплетающимся языком:

– Эй, ты, сопляк... Че ты сказал?

Филипп вскинул свою густую бровь, покосился на Алессию и медленно встал со своего стула.

Алессия замерла в предвкушении. Она и боялась мужской драки, но, в то же время, вокруг Фила, который не струсил перед этим громилой, словно образовался ореол идеальности.

Фил был еще и храбрым!

Никогда прежде она еще не встречала такого мужчину.

Даже если он и проиграет сражение с этим громилой, он уже выиграл сердце Алессии. Именно в этот момент журналистка поняла, что безвозвратно и необратимо влюбилась в этого малознакомого, неразговорчивого мужчину. Она никогда не верила в любовь с первого взгляда и смеялась над самим этим выражением, но теперь поняла его значение.

Филипп выпрямился и снизу вверх посмотрел на громилу. Ему нечего было бояться – он был профессиональным убийцей и вилкой мог в секунду вспороть громиле яремную вену.

Громила подняла свою огромную руку и положил Филиппу на плечо. Ни один мускул на лице стрелка не дрогнул, он охватил широкое запястье громилы и сжал, надавив на определенные точки.

Громила переменялся в лице и убрал свою руку.

Филипп стряхнул невидимые пылинки с плеча, улыбнулся и произнес:

– Может, сыграем в дартс? Если я выиграю, вы тихонько соберете вещи и покинете заведение.

Громила насупил брови, пристально взгляделся в глаза Филиппа и кивнул.

– Но если выиграю я, то поцелую твою цыпочку... – он отвратительно облизал свои губы и покосился на Алессию.

Лицо Фила перекосило, но тут он услышал голос Алессии:

– Что? Да какого... – и из прекрасного рта Алессии понеслись такие красивые обороты мата, что их можно было записывать. Филипп восхищенно присвистнул, а мужланы, расширив глаза, уставились на вскочившую со своего места мелкую Алессию. Ну точно, слоны и Моська.

На звуки повернули головы все, даже посетители на дальних концах зала. Казалось, даже музыка стихла, прислушиваясь к тому, что происходит, а звонкий голос Алессии продолжал бить их по ушам.

– Эй, подожди, – попятился громила. – Ну, она у тебя и строптивая... Ладно сидите. Мы, и правда, расшумелись.

В минуту три шумных друга ушли из паба.

Филипп ошарашено уставился на бесстрашную женщину перед ним. Алессия широко улыбнулась, резко развернулась. Ее волосы хлестнули по щеке стрелка.

Алессия подошла к мишени на стене и обернулась.

– Может, сыграем? – она вытащила из круглой мишени дротики и протянула Филу. – Спорим, что я тебя сделаю?

Улыбаясь, он покачал головой. Алессия уперла руки в бока и произнесла:

– Что? Не веришь? Если я выиграю, поедem ко мне?

– А если выиграю я? – подошел к ней Филипп и принял из ее руки дротик.

– Тебе решать...

Телефон на столе завибрировал, но Алессия не сразу поняла, что это звонил именно ее телефон.

– Я не умею играть, – очаровательно улыбнулся он. – Ты знаешь правила игры? Сколько раз будем бросать?

Телефон протяжно кричал и, наконец, журналистка услышала его.

– Ой, прости. Кажется, звонок, – крикнула она, подбегая к столику, и замерла с телефоном в руке, увидев на экране улыбающуюся фотографию Тома.

Она сглотнула и вскользь посмотрела на Фила, что стоял у мишени. Том звонил с утра, но Алессия скидывала его звонки. Она не хотела с ним говорить. Том был человеком, который почти не понимал ее. Он обидел ее, сказав, что она стала спать с ним только ради эксклюзива с Дмитрием Аскендитом. Тогда она поняла, насколько Том был чужим для нее. Он предал ее доверие. Да, она просила Тома поговорить с боссом об интервью. Да, она расспрашивала Тома об Аскендите. Просто она была такой: она по натуре своей была любопытна. Но она бы никогда не навредила Тому или соблазнила его ради интервью... Его обвинения, что она использовала его в своих целях, ударили по ее самолюбию.

Если Том так и не понял ее суть, как вообще она могла доверять этому человеку и строить с ним дальнейшие планы на жизнь?

Сокрушенно вздохнув, она нажала на кнопку и поднесла телефон к уху.

– Ало.

– Алессия, – выдохнул Том. – Наконец-то ты подняла трубку. Я хотел извиниться перед тобой. Я наговорил лишнего. Я не должен был...

– Том, я думаю нам надо расстаться, – произнесла она, и взгляд остановился на Филе, который делал вид, что ему совсем не интересен разговор Алессии с кем-то.

– Что? Ты о чем? Мы только объявили о помолвке.

– Это было ошибкой...

– Я слышу голоса и музыку. Ты сейчас где-то в баре?

Алессию передернуло.

- Нет.

- Ты врешь. Я точно слышу, что ты где-то в заведении. С кем ты? - почти закричал Том. - Ты поэтому расстаешься со мной? Потому что нашла кого-то другого?

- Том, прекрати... Ты сам знаешь, что мы слишком разные, чтобы жениться. Ты обвинял меня в том, что я встречаюсь с тобой ради эксклюзива с Аскендитом... Ты так думаешь обо мне?

По ту сторону трубки телефона стало тихо.

- Ало, Том? Ты слушаешь меня?

- Я все слышу, Алессия. Я погорячился. Прости меня. Просто ты так наседала. Мне на мгновение показалось... Ладно...Прости меня. Где ты находишься? Я подъеду. Мы решим все разногласия.

Филиппу надоело стоять в одиночестве возле мишени, и он направился к столику, где как раз и стояла Алессия.

Журналистка фыркнула на предложение Тома.

- Нет уж. Том, это было не единожды. Ты со своим Дмитрием Аскендитом помешался. Думаю, тебе стоит пожениться на нем...

Фил вскинул бровь, услышав последние слова Алессии.

Том в трубке возмущенно втянул воздух через нос и задышал, словно обиженный шарпей.

- Заказать еще эля? - спросил Фил, садясь за столик.

Алессия кивнула и отвернулась, все еще держа телефон у уха.

- Я слышал мужской голос. Ты что уже кого-то нашла? Ты с мужчиной?

- Да! - не выдержала Алессия. - И прекрати мне звонить.

Она со злостью нажала на кнопку отсоединения. Журналистка сжала губы, все еще злясь на Тома, но, наконец, сказав ему о том, что думала, испытала облегчение.

Она ведь уже давно чувствовала, что встречалась с Томом не потому, что любила его, а потому что так было надо. Потому что он был хорошей партией для нее, потому что он нравился маме... Но она ничего не чувствовала к нему.

- Прости за это, - обернулась она к Филу.

- Это ведь был тот водитель, который оставил тебя на мосту? Он точно не достоин тебя.

Алессия кивнула и криво усмехнулась. Она задумчиво почесала подбородок, вспоминая, о чем они говорили до звонка Тома.

- На счет игры в дартс. Я правил не знаю. Давай так: игра длится, пока кто-то из нас не попадет в яблочко. Хорошо?

Филипп кивнул и проследил, как девушка встала напротив мишени, там, где была прочерчена линия на полу. Она расставила ноги, словно собиралась метать не дротик, а гирю и примерилась. Шумно выдохнув, она бросила дротик.

Дротик пролетел и воткнулся острием недалеко от яблочка. Филипп вскинул бровь: "Неплохо".

Он встал со своего места и приблизился к Алессии.

Журналистка победно вскинула подбородок и махнула головой:

- Твоя очередь.

Филипп хмыкнул и встал на ее место. Движение руки, и дротик попал в самый край мишени.

Алессия рассмеялась, изображая ведьму из Салема.

– У тебя нет шансов.

Алессия кинула следующий дротик, он попал в узкий круг мишени. Дротик Филиппа второй раз попал во внешний круг, только ровно с другой стороны. Если бы Алессия подошла к мишени с линейкой, то увидела, что если провести линию от первого дротика ко второму, то линия бы проходила прямо в середине яблочка.

Губы Филиппа дрогнули, сдерживая смех. Метать дротики было ничем по сравнению с метанием ножей или иголок.

Ничего не подозревающая Алессия запрыгала на одном месте и весело захлопала в ладоши.

Следующие несколько минут каждый из них бросил дротик по два раза. Дротики Филиппа не пересекали границу внутреннего круга, а Алессия уже вплотную приблизилась к яблочку.

Она вытащила свой дротик из мишени, подошла к месту, где стоял Филипп, и толкнула его бедром.

Филу до одури нравилась эта их игра в дартс по выдуманным правилам. Он видел, как Алессии нравилось чувствовать превосходство над ним. Она не была из тех женщин, которые поддавались мужчинам, чтобы подняться в их глазах и польстить им. Нет, напротив. Она стала игривей, и словно львица ходила вокруг него то и дело притрагиваясь то к руке, то к торсу.

Тогда, когда она думала, что соблазняет Фила, он заманивал ее в выставленный ей же капкан.

Алессия прицелилась, кинула дротик и попала в яблочко.

– Юху! – закричала она и бросилась на шею Филу. – Ну все. Ты мой.

Филипп почувствовал руки Алессии, которые обвили шею, ее навалившееся на него тело и замер. Он не привык к прикосновениям. От нее пахло сладкими медовыми духами. Алессия смеялась и весело что-то щебетала, а он стоял, словно кто-то вылил на него ведро воды. Конечно, женщины ласкали его... в постели, но так... просто обнять... Когда-то давно мама обнимала его. Но после того как она свихнулась, тогда ему было около семи, больше никогда и никто не прикасался к нему без необходимости, даже наказывая... Сила Владыки не требовала прикосновения. Члены “Dominus Mortis” обучали его кто стрелять, кто метать, кто маскироваться, кто боевым искусствам, языкам и пользоваться своей силой.

Из него вырастили идеального убийцу, члена “Dominus Mortis”... И много лет он считал, что все вокруг так и живут. Но попав в реальный мир в четырнадцать, он был шокирован, что подростки в его возрасте жили другой жизнью. И чем старше он становился, тем больше чувствовал одиночество. Нет, он привык убивать. Его уже не грызли никакие муки совести, только почему-то после очередного задания он не спал всю ночь и не мог перестать вести подсчет. Счетчик его жертв отпечатался в голове – девяносто два человека, – и как бы он не старался забыть, счетчик никуда не уходил.

В глубине души он мечтал лишь о нормальной жизни, но знал, что это невозможно и лелеял эту мечту как маленького ребенка в самом далеком уголке своего сознания.

– Ты что застыл? – спросила Алессия, расцепляя руки. – Одеваемся и едем ко мне.

Филипп медленно кивнул и послушно пошел за Алессией. Эта женщина с самого их знакомства выбивала его из колеи. Он смотрел на ее тонкую фигуру и, не сдержавшись, провел рукой по ее оголенной спине. Смеясь, журналистка обернулась, и они встретились взглядами.

Алессия манила к себе, она словно излучала теплый свет, который, наконец, мог согреть его. Он так остро до головокружения захотел почувствовать себя нормальным, обычным, хотя бы одну ночь.

Алессия заказала такси, Фил положил наличку на стол и, взглянув на Алессию, которая что-то искала в собственной сумке, бросил дротик, что все еще держал в руке. Дротик попал в кончик хвоста дротика, который принес победу Алессии.

Фил по-джентельменски придержал мягкую шубку. Журналистка застегнулась и, подцепив волосы, вытащила их из-под ворота.

- Что-то ты притих, - заметила она, натягивая кожаные перчатки.

- Я люблюсь тобой, - он очаровательно улыбнулся.

Алессия хмыкнула, сделала шаг ближе к нему, подтянулась и чмокнула его в щеку, прямо рядом с его ртом.

- Спасибо, - выдохнула она не отстраняясь.

Филипп прочитал в ее глазах приглашение. Он охватил ее за талию, наклонился и сделал то, что хотел сделать половину вечера - поцеловал ее.

Ее губы были мягкими, теплыми. Она замерла в его объятьях. Филипп выдохнул через нос и обнял ее так, как не обнимал никого в этой жизни. Она ответила на поцелуй, и в этот момент все закружилось, завертелось.

Энергия их сплелась, и все отошло на второй план. Они хотели только одного и, продолжая целоваться, запрыгнули в подъехавшее такси. Алессия периодически из-под полуприкрытых глаз улавливала недовольный взгляд таксиста, но она больше не могла контролировать себя.

Их страсть выплескивалась из них, как океан во время шторма из берегов.

Фил прикусил мочку уха Алессии. Она не сдержала стон и сразу же прикрыла рот рукой, поглядывая на таксиста. Фил хмыкнул и провел влажную дорожку на ее шее, закутываясь лицом в мех ее шубки. Как же он хотел содрать с нее одежду прямо сейчас.

- Да когда же мы приедем? - выдохнула она.

Он сжал ее грудь, и она обмякла, больше не чувствуя себя и свои мысли, кроме острого возбуждения.

Такси остановилось. Они выскочили из машины и под смех Алессии зашли в подъезд. Дверь за ними захлопнулась. Фил пригвоздил Алессию к двери, продолжая целовать и ласкать ее тело.

Всего несколько пролетов и они ввалились в ее квартиру.

Не включая свет, стрелок, привалил ее к стене и стянул с нее шубу. Алессия гладила его по груди и тоже стянула с него куртку. Одежда с шуршанием упала на пол.

Фил развернул Алессию лицом к стене и расстегнул змейку ее платья, продолжая ласкать ее шею, спускаясь губами по спине.

Развернув и закинув девушку себе на бедра, он повалил какую-то вазу на пол, что со звоном разбилась, и черепушки ее разлетелись по коридору, но никто из них не заметил этого. Громкий вздох наслаждения, стон и острое желание, что сжигало и требовало продолжения.

Снося картины со стен, они добрались до спальни и растворились друг в друге.

Алессия отупело уставилась на часы. Цифры светились мягким синим светом и показывали четыре утра. Из паба они выехали где-то в двенадцать ночи, значит, они в постели провели около трех часов?

Да такого не было даже в ее студенческие годы.

Она устало повернула голову на спящего рядом с ней Фила и истерично хихикнула. Она устала настолько, что готова была уже молить о пощаде, но он словно почувствовал это, отвернулся и уснул. Так делали многие мужчины, но сейчас Алессия была рада этому. Это был лучшая ночь в ее жизни.

Фил мирно спал рядом. Алессия потянулась и включила бра. Он недовольно застонал и прикрыл глаза тыльной стороной ладони. Длинные кудрявые волосы разметались по подушке. Резинка, которой он перетягивал кудри, где-то потерялась. Девушка не выдержала и дотронулась до его волос. При свете тусклой лампы Алессия разглядывала мужчину на собственной кровати. Взгляд скользил по коже на руках, груди и цеплялся за шрамы. Тело Фила было полностью покрыто разными по форме и длине шрамами.

Глаза Алессии расширились, когда она увидела круглую затянувшуюся рану. Она готова была почку поставить на то, что это было огнестрельное ранение.

– Кто же ты, Фил? – прошептала Алессия. Он что-то прокряхтел и опустил руку, которой прикрывал глаза. Девушка рассматривала его красивое мужественное лицо, покрытое щетиной, и не могла отвести взгляда – он был так красив.

Она хотела сфотографировать его, но вспомнила, что бросила сумку где-то у входа. Да и вообще..., они хоть закрыли за собой дверь, когда входили?

Тихо встав с кровати, Алессия вышла в коридор, включила свет и нашла глазами сумку, что валялась у самого входа. Она проверила двери и, как Алессия и предполагала, они ее не закрыли.

Подняв шубу и куртку Фила, она повесила их на крючки и замерла в нерешительности.

Бросив взгляд в проем, она прислушалась.

“Я не должна лазить по чужим карманам”, – говорила совесть, но любопытство было сильнее.

Алессия засунула руку в карман куртки и достала бумажник Фила. Вновь бросив взгляд на проем, она открыла портмоне и пригляделась к водительскому удостоверению: Морган Феликс, дата рождения: 07.08.2000.

Так. Если с именем все понятно: может ему не нравилось имя Феликс, поэтому он представляется всем Филом... Или кличка осталась с детства к которой он привык. Знала она таких людей, кто по паспорту был, например, Александром, а

в реальной жизни все звали этого человека Дексом.

Взгляд Алессии остановился на годе рождения Фила.

А вот с датой...

Она моргнула пару раз, вдруг плохо разглядела.

“Двухтысячный? Это же сколько ему лет?”

Она в шоке начала загибать пальцы – математика никогда не была ее сильной стороной. Двадцать один год ему исполниться в августе? Она все не могла поверить, что рожденные в двухтысячном были уже взрослыми людьми. В голове ее до сих пор была уверенность, что они должны быть младенцами.

Алессия ошарашено уставилась на себя в зеркало напротив. Она была растрепана, под глазами растеклась тушь. Она, конечно, выглядела на лет двадцать пять из-за спорта, правильного питания и, конечно же, крови дэвлесс, но на самом деле ей было тридцать четыре.

– У нас что с ним разница в четырнадцать лет? – выдохнула она, все еще не веря в это и хихикнула: – Теперь понятно, почему он такой выносливый в постели.

Вдруг она услышала какие-то звуки в спальне.

Она быстро сложила бумажник, засунула его в карман куртки. Молниеносно вбежав на кухню, она налила стакан воды и, наигранно зевнув, вернулась в спальню.

Фил сидел на кровати, спустив ноги на пушистый коврик. Он повернулся и встал. Распушенные волосы до плеч взметнулись. Оголенный подтянутый торс, подсвеченный тусклым светом бра, заставил ее сглотнуть.

Сейчас, зная его настоящий возраст, она разглядывала его как ценный экспонат.

Она чувствовала себя сорокалетней теткой, которая совратила несовершеннолетнего. Но сколько бы не смотрела на него, почему-то не

чувствовала, что он был настолько молод. От силы он выглядел на двадцать семь лет, точно не меньше. Может, все же она ошиблась? Не разглядела?

Он подошел к ней вплотную, пресс с кубиками коснулся стакана. Вода взметнулась и расплескалась.

Фил осторожно взял стакан воды из рук Алессии, сделал глоток и, охватив, девушку второй рукой притянул к себе.

- А я думаю, куда же ты пропала?

- Пить захотелось, - пропищала она.

Фил провел рукой по ее голой спине. Тысячи мурашек пробежались от места прикосновения по всему телу.

- Фил... Нет... Мне завтра на работу... То есть сегодня. Я уже старая бабушка.

Он засмеялся и, не отпуская ее, поставил стакан на тумбочку.

- Ну, ты скажешь.

- А сколько ты мне дашь? - улыбнулась она.

Филипп почесал подбородок, не стесняясь, осматривая ее.

- Лет двадцать пять? - он знал, что главному редактору "Davless-news" не могло быть двадцать пять лет, но в то же время он знал, что ошибки в возрасте в меньшую сторону льстили женщинам.

Алессия смущенно рассмеялась. Ей нравилось, что она молодо выглядела.

- А сколько же? - округлил глаза он. Журналистка потупилась и решила не врать о своем возрасте.

– Тридцать четыре. А тебе? – снизу вверх она посмотрела на него. Улыбка словно приклеилась к лицу. Она была журналистом и знала, в какой момент надо задавать интересующий ее вопрос. Она проследила за его глазами – в них не было удивления, когда она сказала свой возраст. Он или слукавил на счет ее внешности, или знал ее примерный возраст.

Филипп изобразил удивление на лице. В его документах было написано, что он Феликс. Марина обычно выбирала имена для поддельных документов в справочнике имен на ту букву, на которую начиналось реальное имя члена “Dominus Mortis”. Это упрощало запоминание имени.

Но вот возраст. Если Фил не ошибался, то по нынешним документам он должен был быть студентом. Лет двадцать.

Как ему сейчас.

Но что сказать Алессии? Как она воспримет, если он скажет свой реальный возраст? Да и стоит ли волноваться? Завтра он уедет и больше они не увидятся.

– Двадцать, – махнул он плечами, словно разница в возрасте в четырнадцать лет его совершенно не смущала. – Я студент.

“Двадцать... двадцать... двадцать... двадцать...” – словно звон похоронного колокола прозвучало в голове Алессии.

– С...ссстудент? – заикаясь повторила она. – Меня хоть не посадят?

Филипп вскинул бровь и его невероятно красивые и сексуальные губы растянулись в кривой улыбке.

– А что тебя так смущает?

Алессия вся покраснела, отвернулась и, схватив халат со стула, накинула его на плечи. Она до последнего не верила, но услышав его слова, ей вдруг стало не по себе.

– Что-то спать мне перехотелось... Четыре утра? Самое время выпить кофе, – воскликнула она наигранно и направилась на кухню, пытаясь выглядеть непринужденно и уверенно.

Выключатель щелкнул. Яркий свет ослепил. Алессия поморщилась и направилась к кофемашине.

Филипп видел, как лицо Алессии вытянулось, когда он произнес сколько ему лет. Он не понимал, почему она начала переживать. Ему казалось, что это должно льстить ей, а не расстраивать.

Алессия тем временем дождалась, пока кофемашина прогрелась, и подставила кружку.

– Ты будешь? – буркнула она.

– Да, пожалуйста, – присел он за стол, наблюдая за этой странной женщиной. Никогда прежде его не спрашивали о возрасте.

Алессия все не поворачивалась. Булькающий звук от тонкой струи и аромат, что растекался по всей комнате, взбудрил. Филипп, не удержавшись, встал и развернул Алессию к себе. Она резко выдохнула от неожиданности.

– Что ты...?

– Я не был хорош в постели? – низкий голос смешался с ароматом кофе и окутал Алессию.

Она вскинула голову. Их взгляды встретились.

– Нет. Это была самая прекрасная ночь, что у меня была.

– Так почему же ты расстроилась?

Зрачок Алессии застыл на глазах Фила. Она сама не знала почему. Это ведь было всего лишь одно свидание. Ну и что, что она переспала с малолеткой. Подумаешь. Но глубина ее расстройства была куда глубже.

Рот ее приоткрылся.

Она ведь не могла влюбиться за один вечер?

Или могла?

Поэтому в душе словно жалил рой пчел?

Он ей понравился, но теперь, когда она узнала, что ему всего двадцать лет, она расстроилась от понимания, что их отношения не могут быть серьезными. Почему у нее в личной жизни было все наперекосяк? С ней что-то было не так? Она была успешна, красива. Она следила за питанием, занималась спортом. Она добивалась поставленных целей. Но единственная цель, которая была ей недоступна – семья.

До боли в груди, до сумасшествия она хотела семью. Она хотела возвращаться домой и знать, что кто-то ее ждет. Она хотела научиться готовить ради любимого человека. Она хотела простого женского счастья.

На глаза навернулись слезы.

В юности она думала, что не рождена для семьи. Главное – добиться профессионального успеха. Она была окружена друзьями, людьми, но с возрастом ее круг общения поредел: кто-то завел семью, и теперь у них не было времени на друзей, кто-то просто ушел. Вечера ее стали проходить в одиночестве.

Открыв соцсети, она наблюдала за счастливо улыбающимися одноклассниками, одноклассниками в окружении своих семей: эта вышла замуж, эта беременна, а этот помолвлен. И с каждым таким событием она чувствовала, как проваливается в глубокую яму.

Возможно, именно поэтому она приняла предложение Тома о замужестве, но на самом деле она его никогда не любила.

Она железная леди. Она добилась многого в этой жизни. Она самодостаточна, но почему глаза наполнились слезами?

Она не привыкла показывать свою слабость и опустила взгляд. Почему рядом с Филом она так размякла?

С переполненных глаз сорвалась слеза печали. Филипп вскинул руку и вытер скатившуюся каплю с ее щеки. Костяшкой пальца он приподнял ее подбородок и заглянул в глаза, пытаясь разгадать, о чем же она думала. Но женщины всегда были для него загадкой. Не дождавшись ответа, он наклонился и поцеловал ее.

Алессия воспротивилась, уткнулась руками в его грудь, но Фил был настойчив и Алессия сдалась. Руки обмякли. Он, обхватив ее за талию, приподнял ее и она села на столешницу.

Он целовал ее и любил, как не любил ее до этого никто другой.

Журналистка спала на кровати, зарывшись в собственные волосы, словно в одеяло. Она мило посапывала. Оголенная грудь с торчащими розовыми сосками смотрела на Филиппа. Он сидел на кровати уже одетый. Он должен был выезжать в аэропорт, дальше откладывать было некуда.

Клининговая компания очистит от отпечатков его квартиру, в которой он провел несколько недель. Надо было еще собрать вещи.

Филипп мог бы оставить записку, но не нашел листа бумаги. Он мог бы просто уйти, ведь они бы никогда больше не встретились, но что-то заставило его встать коленом на простыни и поцеловать Алессию в щеку.

Она закричала.

– Мне пора уходить, – прошептал он ей на ухо. Ресницы Алессии задрожали. Она вздохнула, потянулась. – А сколько времени?

– Пять утра тридцать минут. Спи.

– Так рано? – привстала она, натягивая на грудь одеяло, словно он что-то там не видел.

Фил улыбнулся, приложился губами к ее губам и тихо произнес:

– Прощай.

Алессия застыла. Он сказал это так, словно прощался с ней навсегда, и почему-то от этого ее сердце спотыкнулось и на мгновение перестало биться.

– До встречи? – с надеждой спросила она.

Он взглянул на нее последний раз и вышел из спальни.

Алессия упала обратно на подушки и уставилась в потолок.

– Он ведь вечером вернется домой. Почему же мне кажется, что я его видела в последний раз? – спросила она сама себя.

Филипп полусидел-полулежал на кресле в зале ожидания. Глаза его были закрыты, а руки сложены в замок. При любом подозрительном звуке он приподнимал один глаз, проверял обстановку и снова закрывал его.

Его рейс задерживали из-за погодных условий, и он недовольно подумал, что мог бы еще понежиться в объятиях Алессии.

Эта девушка не выходила из его головы. Он до сих пор чувствовал на своей коже аромат ее медовых духов, в ушах стояли ее стоны, а на губах горел последний поцелуй.

Поскрежетав зубами, Фил скинул ноги с багажа. Тяжелый вздох, взгляд на кроссовки. Он хотел сесть в самолет и оставить Алессию Амбре, главного редактора “Davless-news”, позади. Почему-то казалось, что как только он улетит из этого города, то забудет о ней.

Вдруг телефон в кармане куртки затрезвонил. Филипп достал его. Звонок оборвался, и на экране высветилось сообщение:

“Планируется новое задание. Возвращайся в конспиративную квартиру и жди указаний”.

Глаза Фила несколько раз прочитали написанное. Изменение планов – обычное дело, но ведь он планировал уехать.

Сердце учащенно забилось в груди.

Палец застыл над экраном. Он ведь должен был отчитаться, что был в близких отношениях с главным редактором “Davless-news”. Эти отношения были опасны. Марина должна подыскать для него другую квартиру, но почему он не мог заставить себя написать об этом?

Филипп медленно встал, поднял сумку и подумал, что стоит забрать винтовку из ячейки.

Он написал Марине, куда направлялся, чтобы она подчистила камеры слежения. Мысли его были далеко, рядом с Алессией.

Главный редактор “Davless-news” Амбре Алессия недовольно зыркнула на секретаря.

– Принеси мне кофе и покрепче, – произнесла она вместо приветствия.

– Да, мисс Амбре. Сейчас.

Алессия открыла свой кабинет и, повесив шубу на плечики, села в огромное кресло и вздохнула. Она спать не хотела, но от недосыпа голова была словно зажата в металлический шлем и от каждого громкого звука он резонировал.

В стеклянную дверь постучали. Алессия недовольно потерла виски.

“Ну зачем стучать? Я же вижу все через стекло”, – простонала она про себя и махнула рукой секретарю, чтобы он входил.

Карл поставил кружку на стол и выпрямился. Журналистка пригубила живительную жидкость и, не отрывая губ от чашки, подняла глаза на секретаря.

– Ты хочешь еще что-то?

– Мисс Амбре, только что звонил мистер Фридом. Директора АКД застрелили. АКД еще не давало официальных заявлений, но это проверенная информация.

Алессия подскочила со своего места, расплескав на себя горячий кофе.

– Вот дьявол! – воскликнула она, отряхивая с блузы коричневую жидкость, которая вмиг пропитала тонкую ткань и обожгла грудь.

Оттянув блузу, она смачно выругалась.

– Макет уже отправлен в печать?

– Да, как вы и приказали.

– Позвони в типографию, пусть притормозят. Эта новость должна быть на главных страницах!

Алессия достала запасной костюм из шкафа и скривилась – запасной блузы не было. Она только сейчас вспомнила, что использовала ее на прошлой неделе и забыла привести новую.

Вздыхнув, она стянула блузу, не стесняясь секретаря, и продолжила раздавать указы. Она осталась только в слегка влажном бюсте.

– Пусть Лекс в срочном порядке напишет статью, чтобы через час она была у меня, а Дэвид пусть хватает оператора и едет к главному офису АКД. Я поеду за

ним следом. Мы должны включить эту новость в вечерний выпуск новостей на сайте. – Алессия натянула жакет на оголенное тело, застегнулась и обернулась. Глаза секретаря вмиг поднялись на ее лицо и словно приклеились. Алессия закатила глаза. – Быстро!

Секретарь кивнул и выскочил из кабинета.

Мисс Амбре подошла к столу, порылась в выдвижных ящиках и нашла булавку. Она заколола лацканы жакета, так, чтобы они не распахивались и не показывали откровенное декольте.

Внутри разгорелся огонь азарта. Хоть она всячески и скрывала, но она обожала дедлайны. Они заставляли ее действовать, делали жизнь интереснее. И чем позже новость поступала к ним в редакцию, тем была большая вероятность, что их конкуренты “Davless-news NY” не выпустят ее. Для Алессии это было своеобразным соревнованием. Она хотела во что бы то ни стало переплюнуть главного редактора “Davless-news NY”.

Газета Алессии в нынешнее время была не просто газетой для дэвлесс. Сейчас у “Davless-news” был новостной сайт, где они публиковали видео-трансляции новостей, интервью и важных событий дэвлесс. “Davless-news” была главным информационным полем для дэвлесс. И это было заслугой Алессии. Именно она предложила много лет назад запустить сайт, именно она ввела трансляцию новостей. Она заслуженно встала во главе “Davless-news”.

На столе завибрировал, пританцовывая телефон, и заиграл Reanny. Алессия скривилась, прочистила горло, и, обреченно нажав на кнопку приема звонка, произнесла:

– Привет, мама.

В трубке послышался удивленный вздох, словно не мама была инициатором звонка, а Алессия.

– О! Дорогая? Я так рада тебя слышать. Ты что-то хочешь мне сказать?

– Мама, это ты позвонила, – проворчала Алессия, параллельно включив компьютер.

Мама проигнорировала это замечание и продолжила:

– Я тут позвонила Тому, твоему жениху, чтобы обговорить детали свадьбы и знаешь, что он сказал?

– Да! угадаю: мы расторгаем помолвку?

– Да! – истерично воскликнула мама. – Вы поругались? Алессия, тебе надо с ним помириться...

– Мы не ругались, мы просто расстались, – спокойно перебила ее Алессия. Мама всегда лезла в ее жизнь незвано и топталась по ней со своим мнением, словно в грязной обуви. Она все не понимала, что Алессия уже взрослая и сама ответственна за свою жизнь. Она почему-то была уверена, что главное для женщины – удачно выйти замуж. Такие звонки были обычным делом для ее мамы.

– Алессия! Дрянная девчонка. Я столько сил вложила, чтобы свести вас вместе...

– Я давно уже не девчонка, мама. И сама решу с кем мне встречаться и за кого выходить замуж.

– Алессия! – закричала в трубку мама. Журналистка знала, что мама сейчас начнет кричать на нее и поэтому без зазрения совести положила телефон рядом на стол, открыла файл с макетом газеты и стала подбирать место для новой статьи.

Телефон разрывался от возгласов и криков мамы.

Алессия знала, что маме надо было просто прокричаться, тогда она примет ее решение и больше не будет поднимать этот вопрос, а вот если Алессия не выслушает ее, то мама еще долго будет дуться.

Постучал секретарь, и стеклянная дверь открылась. Секретарь удивленно замер на пороге, не понимая, откуда доносились крики.

Алессия закатила глаза и убавила звук так, чтобы было слышно, что мама что-то говорит, но не слышно что именно. Она приняла из рук Карла документы на подпись, чиркнула закорючки и передала их обратно.

Секретарь, косясь на кричащий телефон на ее столе, вышел.

Алессия продолжала работать до того момента, пока из динамика телефона не прекратились доноситься звуки. Она протянула руку, подняла мобильный и прислонила его к уху.

– Я слышу, как ты стучишь по клавишам компьютера. Ты что меня не слушала?

Рука Алессии над буквами остановилась.

– Нет, мама. Я тебя внимательно слушаю, – вскинула она бровь и, прокрутившись в кресле, посмотрела в окно. – Просто у меня много работы. Мне пора бежать.

– Опять твоя любимая работа. Ты хочешь остаться одинокой? – вновь повысила голос мама.

– Пока, мама. Потом созвонимся, – бросила Алессия и отключилась.

Она с облегчением вздохнула и кинула телефон обратно на стол.

Алессия была единственной дочерью мамы и, возможно, поэтому вся ее энергия уходила на Алессию. Иногда она думала, что если бы у нее были братья или сестры, ей было бы легче. Именно поэтому Алессия зареклась, что родит не меньше двух прекрасных малышей и, когда они вырастут, никогда не будет лезть в их личную жизнь.

День пронесся в гонке. Алессия и не заметила, как сотрудники стали расходиться. Посмотрев на время, она осознала, что было уже восемь вечера.

В этом была вся она – она забывала обо всем кроме работы.

Устало она следила, как сотрудники редакции выключали компьютеры и уходили, сбиваясь стайками. У многих из них были семьи в отличие от Алессии. Они были недовольны, что пришлось задержаться.

Алессия вздохнула, встала и направилась к шкафу. Она должна была возвращаться в пустую квартиру.

Она обожала свою работу, когда в ней кипела жизнь. Именно поэтому, она не вешала жалюзи на стеклянную перегородку между своим кабинетом и сотрудниками. Она обожала чувствовать себя частью этого роя трудолюбивых пчелок редакции. Но когда в офисе был пусто, она чувствовала себя одиноко.

Перед глазами вдруг возникло лицо Фила. Со всеми заботами она и не вспоминала о нем, но сейчас она вдруг подумала: “А дома ли Фил?”

И вспомнив о нем, настроение Алессии поднялось. Она быстро оделась и побежала к машине. Доехав до дома, она вбежала по лестнице и замерла в нерешительности у его двери.

Она ведь не должна... Он слишком молод. Зачем она ему или он зачем ей? Она встряхнула головой.

– Мы оба взрослые совершеннолетние люди. Я же не заставляю идти под венец со мной.

Указательный палец замер у кнопки звонка. Она сглотнула и, прикрыв глаза, опустила руку.

“Нет. Что же я делаю? Он слишком молод”, – покачала она головой и открыла свою квартиру.

От темноты и пустоты полуулыбка с ее лица, которая была словно приклеена весь день, сползла. Маска железной леди словно упала к ногам, и хотелось только одного: налить себе бокал вина, лечь в кровать, включить “Секс в большом городе” и просто ни о чем больше не думать. Слова мамы, которые она так усердно игнорировала, всплыли в голове. Удушающее чувство безысходности накатывало.

“Ты хочешь остаться одинокой?”

Алессия скинула шубу, стянула сапожки, сняла булавку с ворота жакета и прошла к холодильнику.

Вдруг в дверь позвонили. Она обернулась и быстрым шагом направилась обратно к двери. Посмотрев в глазок, она резко выдохнула и распахнула дверь.

На пороге стоял Фил. В руках он держал бумажный пакет с едой, от которого пахло пряностями. Он широко улыбнулся, наклонил голову и произнес:

- Ты уже ужинала? Может, составишь мне компанию?

Рот Алессии приоткрылся от удивления.

- Ты?

- Я, - улыбнулся он шире и протиснулся в ее квартиру. Алессия вжалась в стену, пропуская его.

Нежданный гость поддел носком пятку кроссовок, стянул обувь и прошел в гостиную. Алессия заторможено прошла за ним. Она все не могла понять, выгнать его или нет. Он остановился возле стола и распаковал еду.

- Если не нравится китайская еда, можно съездить куда-нибудь поужинать, - произнес он, уловив ее хмурый взгляд.

- Не в этом дело.

- Это просто ужин, Алессия.

Журналистка прищурилась, всматриваясь в его невозмутимое лицо. Он был так молод! Ее не покидало чувство, что она совратила малолетнего.

“Черт. Как же он красив”.

Ее ноздри расширились, втягивая аппетитный аромат лапши. Она слишком устала, чтобы противиться напору Фила и собственным желанием. И она сдалась. Плечи опустились. Алессия улыбнулась и присела за стол.

– Как прошел день? – спросил он, словно его это на самом деле волновало.

– Моя мама узнала о разрыве помолвки с Томом. Она сегодня звонила и выказала свое недовольство.

Фил фыркнул, вытащил картонную коробочку и легонько толкнул ее. Белая коробочка, полная ароматной лапши скользнула по столешнице стола и остановилась рядом с Алессией.

– Спасибо, – искренне поблагодарила она и открыла клапан.

Ароматный пар ударил в нос, и рот наполнился слюной.

Фил открыл вино, разлил его по бокалам. Алессия перегнулась, выхватила из пакета бамбуковые палочки и широко улыбнулась соседу. Она была по-настоящему благодарна ему за то, что он пришел. Ну и пусть он еще совсем юн, ну и пусть ей идет уже четвертый десяток...

Сейчас, когда они ужинали друг напротив друга, им было все равно на условности. Да и что такое четырнадцать лет в жизни дэвлесс?

– За хороший вечер? Пусть он продлится дольше, – произнес Фил. Алессия подняла бокал, и звон хрусталя поднялся к потолку.

Филипп прожил в той квартире еще три недели. Он не сообщал об Алессии ни Марине, ни Алисе, ни Владыке. Это была его первая и единственная тайна.

Конец ознакомительного фрагмента.

